

Сны драконов

ОЛЬГА БЫКОВА

Ольга Быкова
Сны драконов

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2015

Быкова О.

Сны драконов / О. Быкова — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC»,
2015

Это сказка о девушке Лиске и её друзьях, которым предстоит долгий и опасный путь, встречи со сказочными героями и увлекательные приключения в горах, где обитают драконы. А еще Лиске всё время снится, что она летает. Эта книга о дружбе и о том, что даже самые невероятные сны сбываются, если в это сильно верить. Она будет интересна подросткам и взрослым любителям жанра “фэнтези”.

© Быкова О., 2015

© PUBLISH-SELL-BOOK LLC, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	32
Глава 10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ольга Быкова

Сны драконов

Посвящается Галине, другу и вдохновительнице

Copyright Olga Bykova 2015 г.
izdat-knigu.ru edition

Глава 1

Ночь. Темень. У щеки прохладная шершавая кора дерева, в бок впился остаток сухой обломанной ветки.

– Слезай, слезай! Все равно скоро свалишься.

От звуков мерзкого скрипучего голоса Лиска покрылась холодными мурашками и мелко задрожала. Взглянуть вниз, чтобы рассмотреть копошащееся под деревом существо, у нее не хватало духу. Того немногого, что она мельком заметила, когда некто попытался ее схватить, оказалось вполне достаточно, чтобы одним махом залезть на дерево, которое до высоты двух человеческих ростов на предмет веток было почти лысым.

Заплечный мешок был при ней, корзинку же она, естественно, уронила. Сейчас она довольно неплохо устроилась на двух толстых, расположенных близко друг к другу, ветках. Рядом в большом количестве росли ветки помельче, и свалиться вниз девушке не грозило. Впрочем, и слезть тоже...

Сверху были ночь и звезды, а внизу творилось что-то несусветное.

Кто-то бесформенный и косматый, похоже, двуногий, скакал вокруг дерева, выл, хватался за ствол лапами (или руками, или черт его знает чем еще) и хрипло бормотал: «Свалишься, свалишься!»

Внезапно наступила тишина. Выждав некоторое время, Лисса осторожно посмотрела вниз и действительно чуть не свалилась. На нее таранилась жуткая морда с горящими, как уголья, глазами. Внезапно морда ощерилась всего несколькими, но очень крупными зубами, а потом приложила к стволу и принялась грызть. И вот этот совсем негромкий, не то скрипящий, не то скребущий звук, слышать было уже совершенно непереносимо. Лиска попыталась закричать, но от страха у нее перехватило горло, и она сумела только еле выдохнуть: «Помогите! Кто-нибудь...»

Конечно, звать на помощь ночью в жутком незнакомом лесу было, по крайней мере, бессмысленно... Однако же что-то переменялось. Лес начал наполняться шорохами, свистами, тихими взвизгами, хихиканьем. По листве прошелся легкий ветерок. Из глубины леса что-то приближалось.

Испугаться еще больше Лисса уже не могла. Вцепившись в ветки, девушка в отчаянии вглядывалась в неясные ночные тени. Вдруг она ощутила колебание воздуха и не столько слышала, сколько кожей почувствовала звук – будто совсем рядом хмыкнул кто-то очень большой. Потом послышался голос, а внизу в свете луны засеребрилось белое платье. Под деревом стояла стройная высокая женщина со светлыми волосами. Она взмахнула рукой, отгоняя, и прикрикнула:

– Пошел прочь, прочь! Тебя сюда не звали, убирайся в свое болото! И чтоб духу твоего близко не было. Брысь!

Жуткая тварь исчезла, а женщина подняла голову, посмотрела на Лиску, напуганную до полусмерти, и обратилась к ней спокойно и вроде бы даже ласково:

– Он больше не явится. Спускайся сюда.

Голос звучал тихо и убедительно. Лиске, встревоженной и уставшей, было по-прежнему очень страшно. Но и поверить в свое спасение тоже очень хотелось. Вот только...

– А как же я отсюда слезу?

– Тебе помогут, – по голосу было слышно, что женщина смеется. – Как спустишься, выходи на поляну, поговорим.

Она повернулась и поспешила вглубь леса. Через несколько мгновений в той стороне, куда она ушла, обозначилось освещенное мягким сиянием пространство. На фоне сплошной темноты проступили силуэты деревьев. Лес уже не был таким темным и страшным. Девушка

перевела дух. Вдруг дерево под ней вздрогнуло и стало медленно крениться, заставив ее накрепко вцепиться в ветки. Движение продолжалось. Шурша кроной и слегка поскрипывая, дерево изгибалось все сильнее, пока не коснулось ветками земли. Осталось только разжать онемевшие от напряжения пальцы, на что потребовалось изрядное усилие, и соскочить на землю. Путешественница с удивлением оглядела медленно выпрямляющееся дерево, поправила на себе куртку, подняла свою корзинку и, повернувшись к дереву спиной, двинулась на свет.

Пройдя сквозь редкую поросль орешника, она вышла на небольшую поляну. Вокруг стеной стояли темные ели. Вся поляну укрывал высокий густой мох, по которому сплошь были разбросаны мелкие белые цветочки. Кое-где торчали высокие полусгнившие пни, поросшие грибами. Вот эти-то грибы и светились рассеянным бледно-голубым светом, обволакивая всю поляну мерцающим ореолом. Фантастическую картину дополняли зеленые искорки светлячков.

Завороженная чудесным зрелищем, девушка повернулась наконец к своей спасительнице, которая сидела рядом на широком плоском пне. И, понимая, что, наверное, нужно что-то сказать, произнесла:

– Меня зовут Лисса. Я из Вежина.

Женщина помолчала с минуту, задумчиво разглядывая девушку, потом взяла ее за руку, требовательно потянула вниз, пока та не села на едва возвышающееся надо мхом бревнышко, и, весело блеснув глазами, велела:

– Рассказывай.

Глава 2

А рассказ, на удивление самой Лиски, получился довольно короткий. Вчера утром (неужели это было только вчера?) она случайно подслушала разговор родителей. Оказывается, отец собирается выдать ее замуж. Сватал ее вежинский купец Кныш за своего старшего сына Савла. Отец был очень рад завидному жениху. У Кныша кроме лавок в Вежине были еще сады, луга, стадо коров и конюшни. Для дочери кузнеца это была небывалая удача, хотя и их семья в слободе бедной не считалась. Лиске же казалось, что наступил конец света.

Мало кто из слободских парней нравился ей меньше, чем Савл. Крупный, рыхлый увалень с пухлыми руками и довольно большими, но какими-то тусклыми, неопределенного цвета глазами. Он всегда держался важно, говорил не торопясь и на все и вся смотрел так, будто решал, стоит покупать или нет. Его кисло-презрительная физиономия и раньше не вызывала у Лиски ничего, кроме неприязни, а сейчас одна мысль о нем пробуждала отвращение. Жених! Ужас какой! О его семье она тоже знала мало хорошего. Знала, что были они скупы и расчетливы, что могли отказать в помощи даже сильно нуждающимся родственникам, что выгнали по старости со двора своего сторожевого пса, который и по сей день скитался по городу и слободе, перебиваясь милостями сердобольных хозяек. В общем, Лиску это сватовство не радовало. Никак.

Мать, в свою очередь, соглашалась с отцом, что жених завидный, но сомневалась, что дочь захочет за него замуж. В прошлом году они выдали замуж старшую из сестер, Милену. Выдали против ее воли, брак не был для нее счастливым, и матушка, помня об этом и переживая за дочерей, уговаривала не отдавать младшую без ее желания. Отец же говорил, что такими женихами не швыряются, что он ни за что не хочет дочери судьбы старой девы, как у его родной сестры (Лиске было совершенно непонятно, чем плоха жизнь у тети Илесты, загорской травницы) и что выдаст дочь замуж непременно. Матери он все-таки слегка уступил и сказал, что только в самом крайнем случае (Лиска как ни думала потом, так и не додумалась, в каком же именно случае) откажет Савлу. И тогда, так уж и быть, идти Лиске замуж за Левко, сына старинного отца друга Вестаря, бондаря из слободы. Вестарю уже давно, оказывается, нравится будущая невестка, и он ждет их согласия. Еще родители договорились, что Лиске объявят о женихе послезавтра, то есть в среду, а в субботу ее просватают, и будет обручение, а через неделю или две и свадьба.

Тут Лиска приумолкла, раздумывая, а собеседница, явно заинтересованная рассказом, спросила:

– А что, второй жених тоже никуда не годится?

– Ну-у, – протянула Лиска, – Левко – хороший парень, веселый, добрый и поет здорово, а уж приврать что-нибудь – так это лучше него вообще никто не умеет, – Лиска засмеялась, а потом смутилась. – Он всю жизнь был мне другом, понимал меня, выручал. Но ведь, понимаешь, он мне друг, именно друг... Как же замуж? При чем здесь замуж? Замуж я за него не хочу.

– Как же так: парень хороший, а замуж за него не хочешь?

– Да так... – Лиске вдруг захотелось, чтобы эта красивая, необычная женщина непременно поняла ее. – Ведь это же навсегда! Ведь, если я выйду за него, значит, ничего другого уже не будет, никогда. И никого не будет...

И она заговорила о том, о чем, наверное, так серьезно еще ни с кем не говорила: о том, что ей страшно хотелось бы побывать где-нибудь дальше Вежина, увидеть дальние леса, может быть, и горы, а если повезет, и море.

– А, говорят, кое-где в Изнорье и ведьмы есть, и маги, и чудеса разные, и звери необыкновенные, может быть, даже единороги.

– А кое-где, говорят, и любовь встречается, – в тон ей заметила женщина.

Лиска покраснела, смутилась и даже слегка рассердилась на что-то.

– И ты что же, решила убежать?

– Да, – твердо ответила девушка, – еще в прошлом году, когда Милку замуж выдавали.

И тогда же решила, что буду осторожной и сделаю все быстро, чтобы не сидеть под замком до самой свадьбы, как сестра. Та порывалась было сбежать в Загорье к тете Илесте, да не получилось.

– Ты тоже к тетке собралась? – женщина смотрела на Лиску с интересом.

– Ну да. Она сама травница, знахарка, поговаривают, даже ведьма. Нас, девчонок, она всегда любила, и, если бежать, так уж, скорее всего, к ней.

– А не догадаются?

– Догадаются, наверное. Поэтому я и решила идти не прямо по загорскому тракту, а обходным путем, мимо Ежовых горок, Ведунцов до Ковражина, а потом уж в Загорье.

Глава 3

...Собралась Лиска прямо в тот же день, благо пришлось помогать матери со стиркой. Ни у кого не вызвало подозрений, что она постоянно носится по двору то в дом, то из дому. Ей удалось незаметно ото всех припрятать в сарае самое необходимое. А вечером она еще предупредила, что с утра в соседний лесок за грибами сбегает. И корзинку припасла, и еще до света ушмыгнула из дома, не особенно рискуя, что ее немедленно хватятся.

– А не страшно было тебе одной отправляться в такой дальний путь?

– Страшно, – призналась девушка, – поэтому я ночью перво-наперво переделалась в штаны и куртку, которые у брата иногда одалживала, благо у меня прятать особенно нечего, – она смущенно оглядела свои скромные прелести. – А уж под утро в лесу и косу отрезала.

Коса орехового цвета лежала на дне заплечного мешка. Выкинуть ее у Лиски рука не поднялась.

– Я надеялась, что буду похожа на мальчишку-подростка, и за целый день, что я шла сначала по Вежинскому лесу, потом мимо пашен, мимо лугов, на меня вроде бы никто дико не смотрел, не оглядывался. Ты, правда, сразу все поняла...

– Мне не нужно понимать. Я это просто вижу, – женщина слегка усмехнулась. – Не будешь же ты говорить, что даже не догадываешься, кто я?

Лиске было немного не по себе.

– Догадываюсь, наверное. Ты – русалка, – произнесла она полувопросительно, – и, наверное, хозяйка Мокрого леса.

Все знали, что в Мокром лесу русалки живут, хотя видеть их мало кому доводилось. В этот лес редко ходили – страшно было, особенно к ночи.

– Как же ты не побоялась зайти в Мокрый лес, да еще на ночь глядя?

Голос русалки звучал почти сердито, брови сдвинулись, изображая строгость. А девушку вдруг отпустил страх. Она выпрямила спину, поерзала на бревне, усаживаясь поудобнее, и ответила просто:

– А я от двоюродного деда слышала, что уж если придется заночевать в этих краях, то по левую сторону от дороги, если от Вежина идти, лес куда опаснее. Там часто разбойники ночуют, а справа, в Мокром лесу, всего-навсего нечисть разная да русалки.

Хозяйка всплеснула руками и расхохоталась:

– Скажи на милость, всего-навсего нечисть! А на дереве, позволь спросить, ты что делала – уж не грибы ли собирала?

– Ну, конечно, я перепугалась до смерти. Но уж лучше бы меня это чудище сожрало, чем в руки разбойников попасть.

Хозяйка помолчала, о чем-то раздумывая.

– Всего-навсего нечисть, говоришь... Интересный у тебя дед.

– Да, дед у нас что надо! Он знахарь в Лозняках. Людей лечит и скотину всякую, и сказок знает – пропасть. Он в разных краях бывал, и у него все время гостит кто-нибудь.

Когда Лисса с матерью, его племянницей и с сестрой гостили у него два года назад, он дал им с Миленой в приданое по увесистому кожаному кошелю. Там были большей частью серебряные тратни и тратинки, но немало было и золотых драйнов. Большую часть своего приданого Лиска перед побегом потихоньку стянула из семейного сундука и рассовала по карманам... И был еще один дедов подарок, который он отдал ей по секрету от всех и о котором она не распространялась.

– Зовут его Хорстен.

– Хорстен? Ну и ну! Так ты, выходит, Хорстена внучка?

Русалка посмотрела на девушку, что-то решая про себя, поднялась и сказала:

– Ну что же, пойдём ко мне в гости. Переночуешь, а то, гляжу, еле на ногах держишься.

Утром подумаем, что делать дальше.

Лиска поднялась вслед за хозяйкой и спросила:

– А как тебя зовут?

– Как зовут?! – русалка хохотнула и вскинула бровь. – Имя тебе назвать? Ну ты востра!

Лисса смутилась:

– Прости, я что-то не то спросила?

– Да уж, – хмыкнула хозяйка, а потом посмотрела на девушку долгим взглядом и объяснила: – Имя русалки, лешего или другой какой, как вы говорите, нечисти, человек обычно просто так не узнает. Оно ему для чего-то нужно. Например, чтобы вызывать для каких-то своих надобностей, или чтобы заручиться поддержкой другой лесной силы. Зная мое имя, можно обращаться за помощью к водяным, русалкам, мавкам, кикиморам не только здесь, но и в любом другом месте, где земля богата водой.

– Я не знала, – растерялась Лиска.

– Ладно уж, пошли. Если тебе непременно надо как-то меня называть, можешь звать Русалкой.

Она повернулась, приглашая девушку за собой.

На другом краю поляны начиналась тропка, по которой они через несколько минут пути по темному ночному лесу вышли к большому озеру с островом посередине. На острове стоял высокий светлого дерева терем.

Черная гладь озера была темна настолько, что выглядела бархатной. В ней ясно отражались тысячи мерцающих звезд. Казалось, что остров с деревьями и теремом на нем, со стоящими на берегу девушками, плывет среди звездного неба. Бледные лепестки кувшинок делали картину еще более нереальной.

У берега на воде стояла узкая длинная лодочка. Русалка велела Лиссе садиться первой, а когда та устроилась, подобрала подол, вошла по колено в воду, стаскивая с мели корму, и легко запрыгнула сама.

Лисса, очарованная фантастической красотой озера, ожидала, что лодка, наверное, сама отвезет их к острову. Однако хозяйка, взглянув на Лиску, чему-то усмехнулась, подняла со дна лодки весло и широкими плавными движениями сделала несколько хороших гребков. Лодка легко и быстро скользила среди звезд и кувшинок и через несколько минут ткнулась в светлый песок острова. Уже стоя на берегу, Русалка отдала какие-то распоряжения встречавшим их девушкам, и те удалились.

Лисса оглядела берег, чудный ровный песок, далеко уходящий под прозрачную воду, и поняла, что ужасно хочет искупаться прямо сейчас, не сходя с места. Уже собралась спросить разрешения, как вдруг ей в голову пришла жуткая мысль. Она представила, как русалки заманивают в воду заплывавших в лесу мужиков, топят их и складывают на дне, и те гниют там годами...

– Да нет, зачем же годами. Мы их сразу вытаскиваем... чтобы еще свеженькими съесть, – зловеще раскатилось над озером.

Лисса, цепенея, повернулась к русалке. Та, взглянув на перекошенное и застывшее лицо девушки, полюбовалась произведенным эффектом, потом весело фыркнула и, уже поворачиваясь, чтобы уходить, через плечо бросила:

– Купайся на здоровье, не бойся. Озеро совершенно чистое. Я тебя в доме подожду.

Ошарашенная, Лисса в замешательстве потопталась на берегу, пытаясь собраться с мыслями. А потом, бросив это безнадежное занятие, быстро разделась и полезла в воду. Вода оказалась слегка прохладной, мягкой, до самого дна прозрачной и какой-то удивительно легкой. Девушка, с удовольствием прикасаясь к воде всем телом, влезла в озеро по самую шею и поплыла. Она плыла и плыла среди этой дивной теплой ночи, среди кувшинок и звезд и чувствовала, как проходят, словно растворяются ее усталость и страх.

Выходя на берег, Лисса почувствовала себя свежей и полной сил, как будто и не было длинной дороги, которую она прошла с прошлой ночи почти без отдыха. Вдруг над озером очень ясно раздался негромкий скрипучий звук, от которого Лиске стало уж совсем весело. Не торопясь, обстоятельно, протяжно и тягуче заквакала лягушка, за ней другая, и после непродолжительного вступления двух солисток, победно грянул целый хор. Во тьме фантастической, осиянной звездами ночи, самозабвенно орали лягушки...

На берегу Лиссу ждала невысокая темноволосая девушка, которая подала ей тонкое полотенце и сообщила, что поклажа Лискина уже в доме и что сейчас будет ужин. Лиска стала вытираться полотенцем и тут всполошилась: у нее на шее висел амулет, подарок Хорстена. Дед отдал его Лиске два года назад втайне ото всех со словами: «Это – талисман. Для чего он тебе понадобится, я пока точно не знаю. Могу сказать только, что он будет помогать тебе в пути. А пока береги его, никому не отдавай и никому не показывай». И она по сей день его прятала и рискнула надеть только прямо перед уходом. А сейчас, выходит, выставила на общее обозрение. Лисса быстро оделась и спрятала талисман под рубашку, хотя, конечно, это дело безнадежное, раз уж от Русалки и мыслей не спрячешь. Вот если бы еще и не думать... Ну да, может, обойдется...

По мелкой пушистой травке они подошли к терему. Покрытые резьбою бревна, из которых его сложили, были такими светлыми, что, казалось, завитки, листья и диковинные звери были вырезаны только что. Переступив через порог, Лиска почувствовала запахи, от которых у нее закружилась голова. Сразу вспомнилось, как давно она ничего не ела. Пахло жареной рыбой, свежими огурцами и какими-то пряностями и еще – земляникой. И все это обволакивал густой и теплый запах свежее выпеченного хлеба. Поэтому, наверное, первое, что увидела девушка, войдя в комнату, был длинный накрытый стол. И уж только потом – те, кто за этим столом сидел.

Свечи, стоящие на столе в большом количестве, освещали оживленные лица русалок. Лиска с удивлением увидела, что все они очень разные. И вовсе не все они зеленоволосые стройные красавицы, хотя были и такие. Но были и беленькие, и темноволосые, и даже одна рыженькая. Некоторые были и пухленькие. Сидела за столом и прочая лесная нечисть: пара кикимор (и, хотя Лиска никогда не видела кикимор, почему-то сразу поняла, что это они), несколько домовых (терем-то большой, одному не управиться), а на самых высоких табуретах сидели трое шишлей.

О шишлях Лиска знала, что это небольшие мохнатого вида существа размером с крупного зайца. Вспоминают о них редко, так как те (по застенчивости, наверное) стараются не попадаться людям на глаза. Но при этом весьма горазды на мелкие пакости: развязать путнику шнурки, подкинуть камушек в сапог, подсунуть в костер край одежды, чтоб затлелся. А уж если кто споткнулся о внезапно появившийся на дороге корень и рассыпал корзинку с ягодами, да прямо в грязь, – точно без них не обошлось.

Вся эта публика весело гомонила за столом, разливая вино, разламывая хлеб, подкладывая себе на тарелки жареных карасей. Удивительнее же лесного народа для Лиски были несколько сидящих за общим столом мужиков, обыкновенных бородатых мужиков, таких, как и у них в слободе, и в городе, и в других деревнях. Она, грешным делом, испугалась было, уж

не утопленники ли... Однако хозяйка, рядом с которой ее посадили, заметила ее пристальное к мужикам внимание и пояснила, что это гости из соседних деревень: мельник, рыбаки, лесорубы – словом, те, для кого важно, чтобы с рекой, проходящей через Мокрый лес, все было в порядке. Чтобы уровень воды был хороший, чтобы рыба водилась, чтобы лес, что по реке сплавляют, в сохранности до места доходил.

– Они, бывает, и просто гостят, бывает, помогают. Вон те два высоких плотника нам терем ставили.

Лисса осмелилась, наконец, задать мучающий ее вопрос:

– А ты правда все мысли читаешь?

– Да нет, зачем же все. Я слышу только самые громкие. Страхи разные хорошо слышно... и о любви... – Русалка тихо улыбнулась чему-то внутри себя. Потом взглянула Лиске в глаза и спросила:

– Покажешь мне талисман?

Лисса, подумав немного, кивнула, сняла с шеи амулет и положила его на прохладную ладонь.

Талисман имел форму зуба длиной с большой палец. Снаружи было сплошь резное серебро. Сверху донизу хитро вились, многократно перекрываясь, орнаменты: один растительный, другой в виде длинной затейливой надписи на незнакомом Лиссе языке. Сквозь просветы в переплетениях орнаментов проглядывала внутренность – какой-то минерал молочно-белого цвета, в верхних слоях, похоже, полупрозрачный.

– А, драконий зуб, – узнала минерал хозяйка. – Хороший талисман.

Повертев зуб в пальцах, Русалка отдала его Лиссе и сказала в точности как дед:

– Береги его, никому не отдавай и никому не показывай.

– А что он может?

– Трудно сказать. Это во многом будет зависеть от тебя. Что тебе говорил Хорстен?

– Что будет помогать в пути.

– И помогал?

Лисса хотела сказать, что нет, она ведь не умеет им пользоваться, но чуть подумав, ответила с удивлением:

– Не знаю... Но если вспомнить, мне так легко удалось собраться и никто не помешал уйти, и по дороге мало кто встречался, и дошла сюда довольно быстро, не натерла ноги и даже не очень устала, и ты меня услышала вовремя. Конечно, это могло случиться и без талисмана... Не знаю, что и сказать.

Девушка была озадачена.

– Действительно трудно сказать. Хотя иногда волшебство и выглядит как простая цепь совпадений.

– А откуда ты знаешь Хорстена?

– А не пора ли тебе спать? – посмеиваясь, ответила собеседница.

И в самом деле, Лиска чувствовала, что уже с трудом соображает, да и гомон в комнате слышит уже как сквозь вату. Хозяйка кивнула одной из девушек, и та проводила Лиску наверх, в спальню.

Глава 4

Проснулась она в небольшой комнате, сплошь обшитой светлым деревом. Верхняя часть стен и потолок были резные. По затейливой резьбе прыгали солнечные зайчики. А за окном было утро, щебетали птицы, плескалась вода, о чем-то вполголоса переговаривались русалки. Лисса выглянула в окно, увидела знакомую девушку, которая встречала ее после купания, а потом, кажется, она же провожала ее спать... Тут в Лискиной памяти образовалась брешь, девушка, убей, не могла вспомнить, как раздевалась.

Наскоро одевшись и решив пока не обуваться, она босиком выскочила во двор и чуть не налетела на свою знакомую. Та улыбнулась Лиссе:

– Внизу на столе молоко, ватрушки, ягоды. Можешь позавтракать. Если захочешь посмотреть лес, я тебя провожу. Хозяйка приглашает тебя дня на два здесь задержаться. Если же решишь непременно идти сегодня, все равно подожди ее, она придет к обеду.

Лиска с удовольствием приняла приглашение и тут же побежала купаться. Полдня она провела на острове, или, вернее будет сказать, в озере около острова. Иногда все же, мучимая совестью, вылезала из этой чудной воды и шла помочь девушкам готовить обед.

Перед обедом появилась хозяйка. Она позвала Лиску в горницу.

– Смотри, что у меня есть, – сказала она и расстелила на широком столе кусок тонкого шелка. Перед ними лежала большая карта, на которой были изображены все изнорские княжества и прилегающие к ним земли.

Лиска, увидев карту, выскочила из горницы со словами: «Я сейчас...» и через минуту вернулась.

– Вот, – она положила рядом две своих карты. Одну на пергаменте, на которой был изображен Загорский тракт от Вежина до Метелок, а другую – на вощеной бумаге с участком, расположенном гораздо левее, от вежинского леса до Ковражина.

– Вот эту, – показала Лиска на бумажную карту, – я потихоньку срисовала с тех карт, что хранятся у нас в доме (отец в свое время, бывало, ездил и в Загорье, и в Изнор, и в Суворощь, учился у тамошних мастеров кузнечному делу). Я это сделала еще год назад, сама не знаю зачем. А пергамент я стащила в последний момент, чтобы, если меня и будут искать, то где-нибудь вдоль Загорского тракта.

– Так Лиской-то тебя за хитрость зовут?

– Да нет, просто сокращенно от имени. Я вроде бы хитрой никогда не была.

– Вроде не была? – хозяйка с усмешкой покачала головой. – Ну да ладно, займемся лучше картами.

Карта у Русалки была большая и подробная. Часть деталей Лиска перерисовала на свою.

– В какую же сторону ты теперь собираешься?

– Я думаю идти вдоль Ковражинской дороги лугами и перелесками до Орешина леса, а потом до Ежовых гор, и совсем немного останется до Малых Ежей. Деревенька, говорят, небольшая, но трактир есть. А оттуда до Ковражина дня три пути или немного больше... – Лискин голос потерял всякую уверенность, – как-нибудь доберусь...

Русалка долго и внимательно оглядывала Лиску и, наконец, вынесла вердикт:

– Пожалуй, по молодости да при твоей худобе ты сойдешь за паренька, если сильно не приглядываться, да и руки у тебя как-то не по-женски жилистые.

– А я отцу в кузнице помогала целых два года. Он сначала никак не соглашался, не женское это, мол, дело. А мне уж больно нравилось в кузнице и так хотелось попробовать. Он и не устоял, разрешил иногда побыть за подмастерье. Мне до мастера, конечно, очень далеко, но кое-что могу, – похвалилась девушка.

Она была очень довольна удивлением, появившимся на лице хозяйки. Та, впрочем, вслух ничего не сказала, кроме:

– Это тоже хорошо. Однако сильно на свой обман не надейся. Будь поосторожнее.

Просмотрев предполагаемую Лискину дорогу до Загорья, Русалка неожиданно для девушки хмыкнула и, явно входя в какое-то воинственное настроение, хлопнула по столу ладонью и закатала рукава. Потом она нависла над картой, опершись руками о стол, и начала комментировать:

– Значит, так. До Орешина леса добраться не составит труда. Можно днем идти. Что встречным говорить будешь?

– Что я – сын кузнеца из Вежина. Назовусь Квентином, так брата зовут. Если спросят, скажу, что иду из Вежина в Стружки, несу отцовский заказ.

– Пойдет. Первую ночь переночуешь в перелесках у дороги, там спокойно. Постарайся остановиться у ручья. Ко второй ночи дойдешь до Орешина леса, там тоже можно заночевать. Лихие люди там не бродят, рядом застава, а нечисти опасной там почти нет. В Малых Ежах будешь на следующий день, к обеду. Если понадобится помощь, в крайнем случае можешь обратиться к знахарке Агатье. Еще в Ведунцах есть... скажем так, знахарка... – вспоминала Русалка. – От Ведунцов идет хорошая дорога на Ковражин. На дороге есть несколько развилок. Тебе каждый раз нужно поворачивать влево. Вот здесь, – она показала на участок правее Ведунцов, – в версте от дороги тянутся Гиблые болота. Это опасные места, туда очень легко попасть и трудно выйти без провожатого. А еще правее болот – Драконовы горы. Кстати, твой талисман как раз оттуда.

– Да? Я так и думала. Еще несколько лет назад я слышала, что там находят минерал, цветом и формой напоминающий зуб, и даже есть легенда, что там когда-то жили драконы...

Тут Лиска неожиданно смутилась, увидев выражение лица хозяйки, будто споткнулась, и замолчала.

– И от кого же ты это слышала?

– Ну... от старших братьев, от отца, от людей, которые приходят к нему в кузницу. К вечеру там, бывает, собираются человек шесть и рассказывают разные новости, и кто где бывал, и кто что слышал... Не хочешь же ты сказать, что там в самом деле живут драконы?

– А уж не хочешь ли ты сказать, что их нету?! Может, ты и в русалках сомневаешься, и в кикиморах, шнырях, шишлях, домовых?

Лиска потрясла головой, пытаясь совладать с нахлынувшими мыслями. А почему бы и нет? Ведь в домовых она верила, хотя до вчерашнего вечера и не видела ни разу. А в русалок кто верит, а кто нет, но вот же она, рядом. Девушка вспомнила, как до земли сгибалось дерево, ссаживая ее на землю, и чудных существ, которых видела вчера на ужине. Она подняла на хозяйку круглые от удивления глаза и спросила:

– Так, значит, они есть, драконы? И там, за Гиблыми болотами, живут настоящие драконы?! А это, значит, что же – настоящий зуб дракона?! – она с каким-то необычным чувством дотронулась до талисмана.

Дальнейшие комментарии Русалки по поводу дороги до Ковражина Лиска, потрясенная новостью, слышала уже вполуха. Встрепенулась она только, когда Русалка заговорила о талисмানে.

– Я думаю, Хорстен знал, что делает, когда отдал его тебе. Возможно, он предполагал, что у тебя со временем проявится какой-нибудь из магических талантов.

– А он у меня может быть?

– Способности у всех есть, только далеко не у всех обретают полную силу. Начать с того, что мало кто этого по-настоящему хочет. И потрудиться придется немало, и ответственность со счетов не сбросишь.

– Но неужели не каждый хотел бы быть магом?

Русалка посмотрела на нее слегка озадаченно, а потом вдруг развеселилась:

– Знаешь что... Не буду я тебе отвечать на все твои вопросы. Займись-ка ты этим сама. Сейчас уже обед будет. После обеда, если захочешь, Рина покажет тебе лес.

Лиска поняла, что речь идет об уже знакомой ей девушке. Вспомнила, как хозяйка отказалась назвать свое имя, и удивилась:

– А как же...

– Рина не русалка и вообще не «нечисть», – ответила хозяйка на незаданный еще вопрос. – Она магичка и здесь на практике.

Заметив, что Лиска опять собирается что-то спросить, Русалка отрицательно покачала головой и встала со словами:

– Пора обедать.

Глава 5

Следующие два дня были для Лиски перенасыщены впечатлениями и пролетели как одно мгновение. Лес во всей его волшебной красоте, звонкие ручьи, ласковые речки, ночные хоры воды с девушками на берегу озера – все это было уже вчера. А сейчас было утро, Лиска стояла у границы леса, и пора было прощаться.

Русалка протянула ей небольшой узелок со словами:

– Держи. Девушки собрали тебе на дорогу. А я, пожалуй, дам тебе совет: что бы ни случилось с тобой в дороге, если хочешь быть счастлива, слушай свое сердце. Ведь источник счастья именно оно. От спутников в пути не отказывайся, если они тебе по душе. И да будет с тобой удача. У меня в твоём деле свой интерес: я жду, что ты побываешь у меня с новостями. А то здесь от скуки скоро рыбадохнуть начнет. Ну вот, пожалуй, и все.

Русалка заглянула девушке в глаза и отчетливо произнесла:

– А зовут меня Лаэлин.

И, прежде чем Лиска успела хоть что-то сказать, исчезла. Девушка постояла немного, оглядывая сияющий утренней росой лес, вздохнула и отправилась в путь.

Близился полдень. Лиска шла то по широкой дороге на Ковражин, то по узенькой тропке, которая шла параллельно дороге по краю лугов и перелесков, стараясь не попадаться никому на глаза. У отца бывали заказчики из деревень, расположенных близко от Вежина, и не очень близко, и она опасалась быть узнанной. Если же не считать некоторой настороженности, у нее было превосходное настроение. В узелке, подаренном ей русалками, оказались сушеные ягоды, бусики из мелкого речного жемчуга и... рыболовные снасти: пара крючков с грузилами и поплавками на тонких и прочных шелковых нитях и тонкая мелкочейстая сеть для ловли некрупной рыбешки. Подарок был очень полезный и трогательный и немного смешной. Лиска решила, что если только будет возможность, побывает у русалок еще раз и непременно с подарками. А пока...

Над головой у нее было высокое летнее небо с мягкими причудливыми облаками. Тепло и густо пахли луга с хорошо уже подросшими пышными травами. Впереди замаячил перелесок, в котором она решила передохнуть. Подойдя ближе, Лиска увидела дорогу, ответвляющуюся от ковражинской вправо, наверное, на Стружки. А на обочине дороги стоял белобрысый мальчишка и что-то выгладывал в кустах, которыми начинался перелесок. Он был так занят, что не заметил подходящей к нему девушки. Она поздно увидела, что стоял он не просто так, а в кого-то целился. Прежде чем Лиска сообразила, что происходит, он уже швырнул камень, и ее громкий окрик: «Стой! Нельзя!» слился с визгом какой-то подбитой зверушки.

Надо сказать, у Лиссы всю ее не очень длинную жизнь была репутация тихой, спокойной и доброй девушки, которая почти никогда ни на кого не обижалась и редко сердилась. Но при этом вся слобода знала, что обижать какую бы то ни было мелкую живность, да и не мелкую тоже, в ее присутствии нельзя. Никому. Что именно она кричала обидчикам, Лиска, как правило, не помнила, но по рассказам знала, что на ее дикий визг сбегалась обычно половина слободы. Остальная половина разбегалась в полной уверенности, что начался, по крайней мере, пожар. Неокрепшая душа подростка оказалась категорически не готова к такому мощному выступлению в защиту живой природы, и Лиска буквально через несколько секунд оказалась на дороге совершенно одна.

Она перевела дух и немедленно полезла в кусты. На траве за кустами среди мелких белых цветочков лежал без движения темно-бурый зверек. Переполняемая жалостью, девушка дотронулась кончиками пальцев до его пушистой спинки. Зверь дернулся, взвизгнул и попытался

отползти. Лиска обрадовалась, что он жив, и присела рядом, чтобы посмотреть, что с ним. Через минуту стало понятно, что ни убежать, ни даже уползти он не может. Была сильно повреждена, скорее всего, сломана левая передняя лапа, а судя по частому неровному дыханию, и ребра тоже. Ясно было, что он не проживет в лесу даже до вечера. Лес не оставлял шансов тяжелораненым.

– Что же с тобой делать-то? – Лиска была крайне озадачена.

Оставить беззащитным еще даже не взрослого зверя на растерзание лисам и хищным птицам она никак не могла. Остаться рядом тоже было невозможно. Забрать же его с собой, наверное, очень большая глупость...

Чувствуя себя сентиментальной идиоткой, Лиска начала перебирать свою поклажу. К счастью, в заплечном мешке еще было место, и она уложила туда почти все, что было в корзинке. Остальное рассовала по карманам. На дно корзинки положила слой мха, найденного поблизости. Оставалось «совсем немного» – уложить пациента в корзинку.

Битых полчаса Лиска пыталась взять дикого зверя на руки. Он дергался, хрипел, шипел и пытался укусить ее за руки, видимо, решив дать последний бой. Умаявшись, она вытащила из кармана платок, который взяла в последний момент, сама не зная зачем, и обернула им руку. Может, не прокусит. Понимая весь идиотизм происходящего, в отчаянии обратилась к его совести:

– Слушай, бестолковая ты скотина, я пытаюсь тебе помочь, а ты меня за руки кусаешь. Ведь нельзя же тебе здесь одному оставаться – съедят, к ночи костей не останется. Я хочу тебя забрать с собой, ты поправишься – и беги себе куда хочешь. Сидеть здесь неделями, тебя сторожить, я не могу, бессовестный ты зверь. Потерпи, пожалуйста, я тебя аккуратно переложу, ну...

Она потихоньку в очередной раз попыталась подсунуть под него руки. Зверь то ли устал сопротивляться и решил: будь что будет, то ли успокоился от звуков Лискиного голоса, весь напряжился, но кусаться не стал. Девушка осторожно подняла пушистое тельце и уложила в корзинку. Ну наконец-то можно хотя бы уйти подальше от дороги.

Глава 6

Пройдя около часа перелесками, Лисса заметила ручей и остановилась передохнуть и перекусить. Достала из мешка несколько сухарей, вяленую рыбу (из русалочьего леса) и небольшую глиняную кружку. Прежде чем набрать воды, она с удовольствием умылась и отхлебнула прямо из горсти. Вода была студеной и чуть сладковатой на вкус. Набрав воды, Лиска подумала, что хорошо бы напоить и зверька. Обернувшись, нашла большую сосну, отщипнула кусочек коры и, вспомнив, как в детстве делали лодочки, быстро вырезала ножом небольшую чашечку. Осталось только наполнить ее водой и предложить зверю. Он лежал на дне корзинки, не шевелясь и полускрыв глаза. На протянутую в корзинку руку он сначала зашипел, приподняв голову, потом потянул носом и, к Лискиной радости, несколько раз лизнул из импровизированной посуды.

– Ну вот и хорошо, а чем тебя кормить, я пока подумаю.

Лисса грызла сухари, запивая их ледяной водой, и разглядывала свою находку. Острая мордочка, темно-бурая спина, чуть более светлые бока и почти черные лапки. Определенно это была куница, только еще не взрослая, судя по размерам. Вернее, не взрослый, поскольку ярко оранжевое пятно на груди говорило, что это мальчишка. Хотя какая разница? А вот чем его кормить, призадумалась. Лиска сунула в корзинку кусочек вяленой рыбы. Он тут же исчез, как будто испарился.

– Ладно, от голода пока не умрешь, а там найду что-нибудь.

Лиска завязала мешок и только успела прикрыть корзинку платком, как из-за деревьев вышел коренастый бородатый мужик с корзиной в руках, в которой болталось несколько подсиновиков.

– Эй, парень, грибов-то много нашел?

– Да, попадаются, – ответила Лиска.

– Покажи-ка, че насобирал.

Лиска открыла рот, еще не зная, что будет врать, и вдруг увидела...

– Дык че глядеть-то, вон они стоят. – Она показала рукой.

Мужик обернулся. И правда, совсем рядом в редкой траве стояли два крепких чудных боровика. Только грибок подошел и нагнулся за ними, как...

– Эх, чтоб меня...

Впереди стоял еще один, большущий, а за ним еще, поменьше...

Тем временем Лиска, схватив корзинку, шмыгнула за ближайший куст и тихо-тихо, но очень быстро удалилась от места неожиданной встречи. Выходя из перелеска, обвязала корзинку платком, чтоб избежать лишних вопросов, и порадовалась своей удаче. Она узнала мужика. Это был гончар Нарым из Верхних Жихариц. Он два раза в год возил в Вежин свой товар, а перед отъездом то покупал у отца кое-что из инструмента, то подковывал лошадей, а то и просто делился новостями. Лиску он, хоть и не часто, но видел, и если бы пригляделся, мог бы и узнать. Лиска вынула из кармана зеркальце, глянула... А мог бы и не узнать. Серые глаза совсем не редкость, а светло-ореховые волосы обрезаны так, что и родные, может быть, не сразу узнали бы. Но в любом случае в корзинку ему лучше бы не заглядывать. Она снова порадовалась, что так вовремя заметила эти грибы, надо же, какое совпаде... А может, и не совпадение? Она вспомнила русалкины слова и призадумалась. Опять выходило непонятно. Лиска нащупала на груди талисман и мысленно поблагодарила ту силу, что ей помогала.

До Орешина леса оставалось, наверное, верст тридцать. Лисса шла вдоль полей. Мысли ее были заняты в основном сочинением разных небылиц на случай неожиданных встреч с местными жителями. Выходила все какая-то чепуха. После первоначального варианта, что она сын

кузнеца, несет выполненный заказ в... (куда – зависит от обстоятельств) самой правдоподобной была версия про пирожки и больную бабушку. Остальные варианты смахивали на какие-то сказки. Она вспомнила Левко. Вот уж кто умеет врать! Какую бы дикую галиматью он не выдумывал, рассказывал он это так, что все верили.

Тут Лиску укусил слепень. Она хлопнула себя по шее и хотела было швырнуть эту гадость на землю, но вместо этого бережно подсунула ее под край платка в корзиночку. Оттуда тихо чавкнуло. Благодаря своему нечаянному спутнику девушка уже не чувствовала себя на дороге так одиноко. Время от времени она даже разговаривала с ним.

К вечеру без приключений они добрались до небольшого леса. Пройдя по лесу до небольшой речки, Лиска нашла укромное место на берегу и, пока не стемнело, достала подаренные русалками снасти, соорудила простенькую удочку и поймала несколько рыбешек для больного зверя. Он нехотя съел всего одну рыбку и, судя по всему, чувствовал себя неважно. Передняя лапа и почти весь бок заметно припухли. Зверек обессилел до того, что позволил дотронуться даже до носа, который был сух и горяч.

– Чем же тебе помочь-то? – горевала Лиска.

Она вдруг вспомнила русалочье озеро, необыкновенная вода которого так быстро восстанавливала силы, и достала берестяную фляжку с той, озерной водой. Она взяла ее на всякий случай. А сейчас... Чем черт не шутит? Напоила своего пациента, потом смочила ему больной бок. Глупо, наверное, но ведь хуже не будет.

Наступала ночь. Лиска сидела на лапнике, кутаясь в специально захваченный ею в качестве одеяла плащ, и все прикидывала, насколько опасно ночевать одной в лесу. Ей было тревожно и одиноко. Впрочем, она была не совсем одна. Лисса подвинула к себе корзинку. Зверь не спал. Он лежал на здоровом боку и, не поднимая головы, смотрел на девушку. Ей захотелось сказать ему что-нибудь ласковое:

– Спи, малыш, послезавтра, наверное, будем в деревне. Куплю для тебя какой-нибудь еды. Может быть, найдем знахарку, она бы тебе помогла. Поправишься, будешь бегать по лесам.

Лиска подняла голову и осмотрелась. Над черным лесом тихо сияли миллионы звезд. Масляно переливалась вода в маленькой речке, которая без умолку все бормотала и бормотала что-то, перебирая камушки на берегу. А воздух был чист и вкусен и пах сразу таким количеством трав, что его хотелось слушать и разглядывать.

Глава 7

Проснулась Лиска от какого-то шороха. Перепуганная, резко вскочила на ноги и с удивлением увидела, что уже утро. Здравсьте! Она же даже не решила, будет ночью спать или нет.

Досадуя на себя, огляделась и с облегчением увидела, что все на месте. Зверь в корзинке возился, пытаясь устроиться поудобнее. Когда Лиска наклонилась над ним, он, похоже, нисколько не испугался, поднял голову и смотрел на нее ожидающе. Опухоль немного спала. Он с удовольствием съел кусочек рыбки. Обрадованная Лиска скормила ему остатки рыбы и размоченный в воде сухарь и снова напоила его водой из фляжки.

К полудню она добралась до Орешина леса и двигалась дальше по узеньким тропкам в лесу, стараясь держаться поближе к дороге, чтобы не заблудиться. Переночевав, как и накануне, около широкого ручья, утром отправилась в путь и через некоторое время заметила, что дорога пошла в гору. Начинались Ежовы горки. Значит, скоро будет деревня. Накрыв платком корзинку, девушка вышла на дорогу и все время до деревни шла, стараясь подражать мужской поступи и манере держаться.

Вскоре показались Малые Ежи. Первый дом на краю деревни был, естественно, трактир. Безопаснее, конечно, было пройти мимо. Но Лиска уже устала все время прятаться и заскучала по людям. К тому же в трактире можно было услышать местные новости, а это было совсем не лишнее. Нащупав в кармане несколько тратинок, она решительно переступила порог.

В довольно большом помещении, к облегчению Лиски, было полутемно. Она подошла к стойке и заказала стакан некрепкого пива, чесночный хлеб, жареной картошки и, помня о брате меньшем, кусочек печеной курицы. Оглядевшись, выбрала единственный пока пустовавший стол и села, пристроив в ногах корзинку.

Время было обеденное, спокойное. Час шумного застолья и дружеских попоек, переходящих в бурное веселье с песнями и драками, еще не наступил. А пока было достаточно тихо, чтобы расслышать, о чем говорят за соседним столом. Впрочем, ничего интересного для Лиски пока не говорилось. Так – о погоде, видах на урожай, о свадьбах и крестинах. Трактирщик принес заказ довольно быстро и, на первый взгляд, принесенное было, по крайней мере, съедобным. Лиска расплатилась и принялась за еду.

В зал вошел еще один посетитель и сел за самый пустой стол, то есть за тот, за которым сидела Лиска, отчего она тут же уткнулась в свою тарелку. Посетитель пристроил свои вещи и спросил ее:

– И как здесь пиво?

Услышав этот голос, Лиска от неожиданности подняла голову, и лицо ее приняло такое выражение, как если бы напротив нее сел выпить пива медведь. Впрочем, через несколько секунд у того, кто сидел напротив, лицо приняло такое же выражение.

Лиска за последние дни несколько раз вспоминала о Левко, хорошем друге с детства, и все думала, что с ним-то ей в дороге не было бы страшно, а теперь он сидел напротив, а она не знала, как ему сказать, что она сбежала от женихов, одним из которых он и был. Чтобы опередить неудобные вопросы, она решила первой спросить, что он здесь делает, открыла рот и сказала:

– Знаешь, меня решили замуж выдать, а я из дома сбежала.

В ответ Левко вдруг расплылся в улыбке:

– А я все думаю, как бы тебе поделикатнее сказать, что меня женить на тебе собрались, а я из дома ушел.

– Да? – Лиска вдруг почувствовала себя немного обиженной. – А что же ты меня замуж-то не взял бы?

Левко в ответ прищурил зеленые глаза и, смеясь, ехидно ответил:

– А сама-то! И сватов не дождалась – сбежала. На фи́га мне такая жена?

– Ага, – Лиска довольно заулыбалась до самых зубов мудрости.

Говорили они тихо, чтобы не посвящать в свои планы всю деревню. Обоим хотелось немедленно все обсудить. Внимательно оглядев девушку, Левко спросил:

– Извини, запамятовал, как тебя зовут.

– Квентин, – Лиска, не долго думая, назвала имя старшего брата.

– Слушай, Квентин, – сказал Левко, после того как ему принесли кружку пива с сухариками и баранью отбивную, – давай пообедаем побыстрее, а потом на свежем воздухе поговорим.

Лиска согласно кивнула и тут же залезла в его тарелку с сухариками. Быстро закончив с обедом, она завернула свой кусок курицы в лист салата и сунула его в корзинку под платок. На недоуменный взгляд друга ответила:

– Потом...

Наконец в нетерпении остаться наедине они вышли из трактира довольные друг другом, как новобрачные. Удобно устроившись на бревнышке под раскидистым кленом недалеко от трактира, начали наперебой делиться новостями.

Оказалось, что ушли из дома они с разницей всего в несколько часов. В тот самый понедельник, когда Лискиному отцу купец Кныш предложил выгодный брак, отец Левко, узнав об этом, решил напомнить кузнецу их давний уговор поженить детей. Он тут же объявил об этом сыну, чем очень обрадовал жену, Левкину мачеху. Мать Левкиного отца обещала передать большой дом с пасекой первому из внуков, кто женится. И если бы брак состоялся, дом и большая часть хозяйства отошли бы к Левко, а мачеха, женщина властная и стержовная, явно рассчитывала нести тяжкий крест домашнего хозяйства сразу везде. О Лиске же было известно, что она девушка тихая, покладистая да еще и рукодельная, одним словом, для свекрови удобная (о том, что она в кузнице отцу помогает, домашние, само собой, не распространялись).

Левко, конечно же, нельзя было запереть под замок, как девушку, и заставить жениться было тоже невозможно, но он хорошо понимал, что в случае отказа ни ему, ни отцу житья в доме не будет. Поэтому он тут же и решил исполнить свою давнюю мечту – пойти на службу в дружину к Ковражинскому воеводе – и на следующее утро ушел. По дороге присоединился к купеческому обозу из Изнора. Столичный обоз ехал не торопясь, заезжая по торговой надобности в деревни, расположенные недалеко от дороги. В Малые Ежи они въехали вчера днем, и Левко решил здесь на пару дней остановиться, чтобы обзавестись сапогами, которыми Малые Ежи славились с незапамятных времен. Остановился он в доме у пасечника.

– У него большущий дом и сад вокруг, и цветник – красота. К дому пристроена веранда с видом на пасеку, там я и ночую. Там и тебе места хватит. Сегодня переночуем, завтра двинемся дальше, идет?

– Конечно.

Лиска наскучалась одна в дороге и рада была несказанно. Неожиданно в корзинке что-то зашуршало.

– У тебя там что, мыши? – Левко знал, что от нее можно ждать чего угодно.

– Нет, не мыши, сейчас расскажу.

И рассказала. Она хорошо знала, что, хотя у Левко и была репутация легкомысленного балагура, когда речь шла о важных делах и серьезных чувствах, на него можно было положиться как на себя самого. К тому же он был немного старше и, может быть, поэтому слегка опекал Лиску, которая среди детворы часто слыла за мечтательную доверчивую дурочку. И

даже разыгрывал ее меньше, чем остальных, и защищал, когда над ней смеялись. И ему можно было рассказать все, даже мечты. Лиска все и рассказала, оставив в тайне только имя русалки и свой талисман. Левко слушал и удивлялся.

– Да не может быть... Неужели русалки? Настоящие?.. Драконы? Живые драконы, в Изнорье? Знаешь, это все-таки сказки...

Когда Лиска заговорила о раненном звере, Левко, конечно же, сразу захотел его увидеть. Она осторожно сняла с корзинки платок и слегка отстранилась, показывая другу своего подопечного. Живые блестящие глаза зверька с любопытством изучали нового знакомого без всякого страха.

– Так вот для кого была печеная курица, – Левко улыбался – похоже, Лискина находка ему понравилась. – Слушай, он ведь, еще маленький, и такая беда. Думаешь, поправится?

– Надеюсь. Когда я его подобрала, он был совсем плох, а сейчас вроде получше.

– А как ты его зовешь?

– Пока толком не придумала. Что-то кроме Руша ничего в голову не приходит.

– А почему Руш?

– У нашего соседа лошадь была темно-бурого цвета. Он ее Буркой назвал сначала, потом Бурушкой стал звать, а потом Рушкой, Рушей, а мне нравилось.

Она вдруг спохватилась:

– Я ведь хотела его знахарке местной показать – может, вылечит.

– Нет, не вылечит. Она вчера ушла на хутор к какому-то больному родственнику, и ее несколько дней не будет. Она – пасечнику соседка, и он это говорит с утра всем, кто к ней приходит.

– Плохо. Что же делать? – Лиска даже расстроилась.

– На воротник продать.

Лиска вскинулась, задохнувшись, но, увидев смеющиеся глаза Левко, вспомнила, что серьезно он разговаривает редко, да и то больше, когда врет.

– Да ну тебя, – сказала Лиска, закрывая платком корзинку.

Глава 8

Они решили отправиться в путь завтра утром и пошли на другой конец деревни к сапожнику за Левкиным заказом. Сапоги получились знатные: темно-коричневые, из довольно толстой, но очень мягкой кожи, отлично прошитые и точно по ноге. Цена, правда, тоже была настоящая, целых четыре драйна, но чего не отдашь за хорошую обувь. Всю дорогу Лиска не нарадовалась, что брату стали малы его отличные сапоги, которые были ей сейчас как раз впору. Иначе без мозолей не обошлось бы. Левко тут же переобулся и всю дорогу до пасечника прислушивался, не трет ли где, не жмет ли. По пути они купили хлеба, яиц (с расчетом на мохнатого попутчика), сыру и прочей провизии на следующие три-четыре дня пути до Ковражина.

Когда они добрались до места постоя, день уже клонился к вечеру. Расплатившись с пасечником за ночлег и ужин, друзья пристроили свои вещи на веранде, а сами присели на освещенной солнышком лужайке рядом с домом. Убедившись, что они одни, Лиска открыла корзинку, осторожно вытащила оттуда зверька и переложила на траву. Рушка (как Лиска все-таки решила его назвать) собрался было сразу бегать, вскочил, но тут же тоненько взвизгнул и завалился на бок. Сразу же поднялся второй раз, но уже осторожнее, и на трех лапах поковылял по лужайке, осматривая и обнюхивая все вокруг. Передвигался он очень своеобразно. Хорошо было видно, как ему хочется двинуться вперед, но передняя лапа в одиночку переставлялась медленно, а бежать хотелось сразу во все стороны. Поэтому, делая один шаг здоровой передней лапой вперед, задними он успевал за это время пару раз переступить вправо-влево. Хвост же мотался туда-сюда, уравнивая движения длинного гибкого тела. Левко, глядя на эту замысловатую походку, усмехнулся и сказал:

– А я знаю, как его зовут.

– ?

– Его зовут Вихляй – да ты сама погляди. Это же невооруженным взглядом видно.

Лиска поглядела. Зверя было ужасно жалко, но двигался он действительно смешно.

– Ну, я надеюсь, он не всегда Вихляем будет, мне больше Руш нравится, – ответила она с надеждой.

– Не сомневайся, в Ковражине найдем ему лекаря. Там, говорят, есть и такие, которые только животных и лечат.

– Я бы хотела уметь лечить, может, и научусь у Илесты или, если она откажется, у какой-нибудь другой знахарки, – Лиска мечтательно вздохнула и пошла ловить зверя, пока он не увихлял до самых ульев.

Укладываясь спать и глядя на звезды, Лиска снова удивилась, как много произошло за эти всего несколько последних дней. И удивляться стоило не только встрече с русалкой. То, что они встретились здесь с Левко, тоже событие не сильно вероятное. Впрочем, оно у Лиски вызывало гораздо больше радости, чем удивления. Что и говорить, рядом с ним было куда веселее.

Утро было прозрачным и прохладным. Тихое сияние росы на придорожных травах и легкая голубая дымка, подернувшая дальние леса, настраивали на романтический лад. А крик петуха, квоктанье кур и запах навоза, убедительно поднимающийся от деревенской земли, категорически заверяли, что ничего необычного сегодня в этих краях случиться никак не может.

Друзья шли по ковражинской дороге то глядя по сторонам (оба здесь никогда не были), то строя планы на будущее. Летняя жара набирала силу, когда они уже после обеда подходили

к Ведунцам. Они решили в село не заходить. Все, что нужно, приобрели в Малых Ежах, а времени зря терять не хотелось.

Через полчаса пути от Ведунцов друзья остановились у развилки и стали припоминать карту. Выходило, что влево и в гору шел Ковражинский тракт, слева от которого поднимались склоны холмов, поросшие высоким кустарником и небольшими деревьями, а справа, между дорогами, начинался ольшаник. Дорога поуже постепенно забирала вправо и немного вниз и шла по лесу, простирающемуся вперед насколько хватало глаз, а вправо – примерно на полверсты до подножия холмов.

Лиска хорошо помнила карту и объясняла другу, что дорога эта, скорее всего, идет на деревню Суворощь, а оттуда всего день пути до Ойрина.

Вдруг у них за спиной послышался быстрый топот и шуршание мелких камешков. Они обернулись на шум.

По дороге сломя голову бежала растрепанная черноволосая девушка. Около них она остановилась, задыхаясь. Вьющиеся волосы прилипли к мокрому лбу, темно-синие глаза были полны отчаяния. Она посмотрела на Лиску и Левко и взмолилась: «Помогите! Ради всего святого, помогите!» – после чего нырнула в кусты справа от дороги, прямо за ними, и спряталась за стоящим там толстым вязом.

Невдалеке послышался конский топот, лязг и крики. Левко скомандовал: «Играем убогих!» – и за считанные секунды, проведя по себе руками, что-то такое сделал с одеждой, что она стала казаться старой, мятой и к тому же с чужого плеча. Еще и Лиску мазнул по щеке дорожной пылью. Она тоже зря времени не теряла. Впрочем, ее роль в этом спектакле была проще и без слов.

Когда-то в детстве (то есть, в общем-то, не так и давно) они с Левко придумали, что если в ярмарочный день, когда много приезжих, постоять у церкви с видом местного дурака (это, конечно, Левко) и глухонемой (понятно кто), то через полчаса вполне может хватить на пряники. Они однажды попытались это проделать, и на их счастье были узнаны добрейшей бабкой Фелицатой. Она пристыдила их тогда и сказала, что не иначе как святая Селимена (около чьей церкви они стояли) была к ним милостива и отвела их от беды. Действительно, за все четверть часа, что они стояли на людном месте, их не увидел никто из родных или хороших знакомых. А то уж, конечно, хватило бы им тогда не только «на пряники», но еще и «на орехи» бы осталось. После этого они за нищих себя уже никогда не выдавали, хотя свое представление не раз разыгрывали к радости своих друзей.

Поэтому, когда из-за поворота вылетели всадники, перед ними на обочине стояли простоватый (если не сказать придурковатый) деревенский увалень и взъерошенный сутулый подросток, безучастно смотрящий куда-то вдаль.

Предводитель своры осадил коня и гаркнул, обращаясь к путникам:

– Эй, девку здесь не видели?

Молодой, щеголевато одетый, на хорошем коне – он был явно не из простых крестьян. И руки, похоже, не знали грубой работы. А на лицо он был бы, наверное, даже красив, если бы не этот жесткий, хищный взгляд. В его глазах горел такой охотничий азарт, что Лиске в этой ситуации стало бы жалко не только беззащитную девушку, но, пожалуй, даже беглого каторжника.

Изображая глухонемого, Лиска с безучастным любопытством оглядывала всех и вся и в очередной раз восхитилась Левкиным артистизмом. Тот сначала задумался над вопросом, потом медленно, растягивая слова, обстоятельно ответил:

– Да-а, бежала.

– Куда? – всадник, помахивая плетью, чуть не выскакивал из седла от нетерпения.

– Туда вон бежала, – ответил Левко, нисколько не меняя темпа, и показал на Ковражинскую дорогу.

– Не врешь? – голос был резким и угрожающим.

Все в том же темпе. Левкины глаза расширились от недоумения, он подумал, пожал плечами, еще подумал и, показывая на склон холма над дорогой, протянул:

– Дак ить вон и кусты там колыхаются.

Всадники повернули головы в сторону, куда он показывал, и в этот момент друзьям помогла удача. То ли ветер подул, то ли птица какая-то слетела, но кусты действительно зашевелились, даже мелькнуло что-то. Вся шайка сорвалась с места и понеслась по Ковражинскому тракту, скрывшись за стоящими на развилке деревьями.

Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы угадать, что будет, когда они никого там не найдут. Однако на то, чтобы обшарить склон даже и всей оравой, а было их больше дюжины, все же понадобится время. Так что с четверть часа у друзей было.

Лиска повернулась к другу:

– Теперь бежим, да?

– Ага.

Через несколько секунд они уже стояли за деревом рядом с беглянкой. Та все еще пыталась отдышаться.

– Куда бежать, знаешь?

Она в ответ махнула рукой, показывая на бурелом в левой стороне. Лиска взглянула туда и воскликнула в недоумении:

– Там же не перелезешь.

– Перелезем. Там прямо в буреломе начинается тропа. Я совсем чуть-чуть до нее не добежала, – девушка смотрела на друзей виновато и ожидающе.

Первым очнулся Левко:

– Тогда бежим быстрее.

До бурелома они добежали за считанные минуты. Потом вперед двинулась девушка, показывая «дорогу» в этом нагромождении упавших во время какой-то бури деревьев.

Когда они перелезали через очередное бревно, девушка, обернувшись к друзьям, сказала:

– Меня зовут Наира.

– А меня Лиска, – отозвалась Лиска, снова передавая Левко корзинку, которую они до сих пор умудрились еще не перевернуть.

– Ну, раз уж на то пошло, меня зовут Левко. Лиска, держи корзинку, я тут с ней не пролезу.

– А вот и тропа, – сказала Наира.

В самом деле среди бурелома обозначилась узенькая дорожка, уходящая вглубь леса в сторону холмов.

Добежав до подножия холма, они остановились, чтобы отдышаться. С трудом переводя дыхание, Лиска все же не могла не спросить:

– Все-таки от кого же мы так удираем?

Наира кивнула и, чуть отдышавшись, объяснила:

– Предводитель этой банды – Шермет, сын козинецкого головы. В Козинце при папаше он тише воды, а вот в соседних селах от него житья нет. Собрал себе целую шайку таких же поганцев, их там больше дюжины, наверное, и бесчинствуют в свое удовольствие. То наедут всей оравой к кому-нибудь на постой, корми и пои их и все, что понравилось, отдай. То тех, кто с торгов возвращается, грабят. Убить еще никого пока не убили, видать, бояться все-таки, что до властей дойдет, но избить – это запросто, а то и дом подпалить могут. Девушкам от них

проходу нет. Если не совсем уродина, не дай Бог им на глаза попасться. У нас в Ведунцах они почти не появлялись. Моя бабушка пригрозила, что в свиней превратит, если начнут разбойничать. Они было не поверили, один ее старой дурой назвал, так потом со свиным пятаком два дня за ней ходил, прощения просил. С того времени деревня жила спокойно.

Она вздохнула, посмотрела на лица друзей и с трудом выговорила:

– А сегодня она умерла, – в глазах у девушки стояли слезы. – Она еще вчера вечером меня уговаривала уйти быстрее подальше, боялась за меня и утром все прогоняла. А я не могла ее оставить. Она меня с шести лет в одиночку растила...

Наира замолчала, потом уже твердым голосом закончила:

– Теперь эта свора не успокоится, пока не отомстит. Так случилось, что я вас впутала в эту историю. Мне бы не жить, если бы вы меня не выручили. Я не знаю, что вы решите делать, и могу предложить только спрятаться сейчас вместе со мной и вместе выбираться.

Лиска вспомнила мельком увиденные полчаса назад малосимпатичные рожи и поняла, что ни за что не хочет встретиться с ними еще раз да еще в безлюдном месте. Она ожидающе посмотрела на Левко. Насколько помнила, он обычно хорошо оценивал степень опасности ситуации и не ошибался, решая, можно ли еще оставаться или уже точно пора бежать. Шансов уцелеть, видимо, было совсем немного, потому что он почти не раздумывал.

– Куда бежать?

– Сейчас нужно подняться на холм. За холмом перед нами будут Гиблые болота.

«Многообещающе звучит», – подумала Лиска.

– Они туда не сунутся. Скорее всего, не сунутся. И даже искать будут поначалу в другой стороне, скорее всего, там, – Наира показала направо, – где можно проехать на лошадях. Они, правда, могут подняться на соседний холм, и, если мы не успеем далеко уйти, они нас увидят. Тогда все будет зависеть от того, насколько далеко в болото мы успеем зайти.

– В болото? – ужаснулась Лиска.

– Я знаю тропу через болото, мы с бабушкой там ходили. За болотами есть полоса леса, прямо перед Драконовыми горами. Туда кроме как через болото никак не попасть, и мы будем там в безопасности. А после...

– После будет после, – перебил Левко. – Времени, как я понимаю, у нас почти нет.

Он взглянул на Лиску и спросил:

– Ты как думаешь?

– Так же. Бежим быстрее.

Листья ольхи и орешника над их головами плели на тропе ажурную тень, испещренную пятнами солнечных зайчиков. Под ногами вилась ежевика. Местами тропа здорово заросла, однако Наира каким-то образом уверенно находила ее, и на холм они поднялись довольно быстро.

Выбравшись наверх, они оказались на маленькой полянке, окруженной молодыми кленами. Перед ними до самых синееющих вдали Драконовых гор на несколько верст вперед и бог знает насколько вправо и влево простирались необозримые Гиблые болота. Бесчисленные зеркальца открытой воды сверкали на рваном шерстяном одеяле из мха и болотных трав. Кое-где росли чахлые деревья. Густой от влаги воздух дрожал жарким маревом. Сыростью пахло даже на вершине холма.

– Смотрите-ка!

Обернувшись, Левко показывал на развилку дороги, где они давали представление. Дорога с холма хорошо просматривалась и, несмотря на расстояние, можно было разглядеть на развилке всадников. Часть из них уже переезжала через обочину. Ясно было, что в бурелом всадники не полезут. Зато от бурелома до самых Ежовых горок было редколесье, которое на

лошади обыскать не составляло труда. А если взобраться на холм, соседний с тем, на котором стояли друзья, то оттуда, пожалуй, так же хорошо все видно вокруг, в том числе и болота, во всяком случае, ближний их край...

Беглецы переглянулись. Без слов было ясно, что медлить нельзя ни минуты. Спустившись с холма почти бегом, они оказались на самом краю болот. Наира с минуту оглядывалась, потом решительно двинулась влево, считая шаги. Через некоторое время, найдя, видимо, то, что искала, подозвала друзей, и они двинулись вслед за ней по одной ей известной дороге.

Она заговорила:

– Здесь, где мы идем сейчас, не самый опасный участок. Дорогу сюда может нащупать любой, кто пожелает. Нам бы надо уйти подальше, пока нас не увидели с холмов.

Несколько минут они шли быстро, почти бежали. На каждом шагу под ними колыхалось и хлюпало. От жары и сырости одежда прилипала к телу. Лиска радовалась, что уже не самое начало лета и сейчас не очень много комаров. Но вот Наира сбавила шаг: под ногами становилось все больше и больше воды. Дойдя до крошечного островка, они остановились. Дальше почти сплошь стояла вода с редкой порослью, корягами и моховыми кочками. На островке торчало несколько молоденьких деревьев да лежала пара бревнышек, оставшихся от их упавших собратьев.

Беглецы осматривались по сторонам – нет ли поблизости погони. И беда не замедлила явиться.

– Так, – протянул Левко, глядя на вершину одного из холмов.

У Лиски было хорошее зрение, да и у Наиры, видимо, тоже, поэтому расспрашивать, в чем дело, им не пришлось. На вершине холма, находившегося к ним гораздо ближе, чем хотелось бы, стояли люди. И это вряд ли были грибники из соседних селений.

Друзья замерли. За чахлыми деревцами здесь, на островочке, их пока, может быть, с холма и не видно, но двинуться дальше они не могли. А если преследователи спустятся пониже или выйдут на край болота, то не обнаружить беглецов им будет совсем трудно. А они уже начали спускаться...

Положение складывалось отчаянное. Все трое стояли, не шевелясь, и думали каждый о своем. Лиска вспоминала самое начало своего, может быть, совсем короткого путешествия. Мокрый лес, озеро, Русалку...

Русалку... Лисса шагнула к краю островка и, обращаясь к водной глади, позвала с отчаянной надеждой:

– Лаэлин, Лаэлин...

Колотилось сердце, отсчитывая уходящие секунды, и ничего не происходило... Вдруг, как тогда, страшной ночью, слегка вздрогнул сам воздух, а рядом послышалось скрипучее хихиканье:

– И кто здесь звал Речную деву?

Лисса обернулась.

На самом краешке острова сидела кикимора, небольшая, в половину человеческого роста, вся какого-то непонятного темного цвета – и лицо, и тело, и одежда, – страшенькая, с маленькими ехидными глазками на сморщенной физиономии.

– Я звала. Мы в большую беду попали. Нам спрятаться нужно.

Кикимора снова захихикала.

– А что ты мне дашь за помощь?

Русалка, рассказывая Лиске о кикиморах, говорила о них как о самых опасных для человека тварях на болоте. Она предупреждала, что если случится договариваться с кикиморой, то расплачиваться нужно только тем, что есть с собой. Обещать что-нибудь дать или сделать в будущем нельзя – потом не отвяжется.

Девушка, не долго думая, вывалила все содержимое своего мешка на траву и уверенно сказала:

– Выбирай.

Левко и Наира в изумлении молча смотрели на эту сцену, а кикимора с живейшим интересом копалась в Лискиных вещах.

Сначала она схватилась за связку сушеной рыбы, потом взяла в лапу гребешок, бросила его, потрогала пальцем нож, подняла и потеревила запасную рубашку, поднеся к самым глазам пуговицы, и вдруг застыла... Приоткрыв рот, она глядела на оказавшуюся под рубашкой отрезанную Лискину косу, длинную, пушистую, светло-орехового цвета. Бросив все, она вцепилась лапой в косу, схватив ее посередине, и, повернув к девушке морду с горящими нетерпением глазами, неожиданно звонким голосом запросила:

– Подари мне это, подари.

Лисса кивнула:

– Дарю, забирай.

А дальше было вот что. Кикимора, зажав в лапе свою добычу, взвизгнула, подскочила и, сорвавшись с места, вихрем пронеслась по болоту вокруг острова, а потом встала напротив друзей прямо на поверхность воды, как на ровный пол. В левой лапе она держала перед собой горсть пуха с каких-то болотных растений.

Поднявшись на цыпочки, вытянувшись и подавшись вперед, она, смешно надув щеки, стала дуть на этот пух, который полетел во все стороны. Воздух неожиданно налился сыростью, заохлодал и начал мутнеть и сгущаться. И уже минуты через две все болото было закрыто от посторонних глаз белой пеленой тумана. На высоте чуть выше роста он был густым и плотным, а над самой водой – легким и редким, почти прозрачным. И в этом тумане прямо перед друзьями продолжалось представление.

Кикимора плюхнулась на корягу, торчащую из болота, спустив ноги в воду, и плеснула по воде лапой. Образовавшаяся от этого небольшая волна неожиданно вздыбилась, заблестела и встала перед кикиморой подвижным текучим зеркалом. Та взялась за конец косы, тряхнула, отчего она распалась пушистым водопадом, и махнула волосами над головой.

Лиска с другом, открыв рты, наблюдали за происходящей на их глазах метаморфозой. Судя по выражению лица Наиры, она такое тоже видела впервые.

Оторвавшись наконец от «зеркала», кикимора обернулась к ним. Ее жуткая физиономия, в окружении ставших родными волос, заметно посветлела и превратилась в... ну, по меркам болотной местности, наверное, даже хорошенькую. Она сорвала и воткнула в волосы цветок стрелололиста и ожидающе глянула на людей. Лиска молча развела руками, изображая несказанное восхищение. Кикимора, сморщившись от удовольствия, подскочила на месте и нырнула в воду. Потом выскочила уже в некотором удалении от них, крикнула:

– Туман будет до ночи, дорогу увидите.

И исчезла окончательно.

Наира в волнении посмотрела на друзей и произнесла:

– Кажется, мы спасены. Я вам так обязана, не знаю как и благодарить... Однако сейчас нам придется поторопиться, чтобы к ночи выбраться из болота. Здесь где-то были посохи, нужно их взять – могут пригодиться. Дорогу я хорошо знаю, но осторожность все-таки не помешает. Хотя, надо сказать, нам здорово везет.

«И, правда, везет, – подумала Лиска и вспомнила о талисмানে. – И опять ничего определенного не скажешь – помогает, не помогает?» А вслух сказала:

– Тогда пойдем побыстрее.

И кинулась собирать свои вещи, удивляясь неожиданному применению своих волос.

Закинув мешок за плечи, она взяла в руки корзинку и посох и двинулась вслед за Наирой.

Левко шел последним, готовый в любую минуту прийти на выручку, и старался запоминать немногочисленные ориентиры, а то мало ли... девчонки – народ ненадежный, а дорогу запоминать – так и вовсе бестолковый.

Наира же, вопреки Левкиным опасениям, оказалась хорошим проводником. Шла она довольно быстро и при этом ни разу не сбилась. Часто оглядывалась, проверяя, успевают ли друзья, дожидаясь их там, где было особенно опасно и подробно объясняя, куда можно поставить ногу.

Тропа шла то по кочкам, поросшим мелкими цветочками, то прямо под водой. Глубже, чем по шиколотку, правда, почти не бывало. Зудели над ухом вездесущие комары, пересвистывались какие-то птицы. Время от времени путники останавливались отдохнуть на клочках относительно сухой земли. На одной из остановок Лисса приоткрыла корзинку, чтобы посмотреть, как там живет Рушке. Навстречу ей высунулась любопытная мордочка. Наира, увидев это чудо, спросила:

– Кто это у тебя?

– Куница. Он еще маленький. Мальчишка подбил камнем, а я подобрала.

Наира с некоторым недоумением посмотрела на Лиску, а потом сообщила друзьям:

– Нам еще около часа идти до леса. Там отдохнем.

Все трое очень устали, но так хотелось оказаться на твердой земле, что последнюю версту они почти бежали, благо этот участок пути был не особо опасен. Наконец из тумана выплыли очертания поросшего густой травой берега. Вымокшие и усталые, едва ступив на землю, все трое, не сговариваясь, рухнули в теплую сухую траву.

Туман здесь был совсем редким. Солнышко, казавшееся пушистым сквозь дымку, пригревало, несмотря на наступающий вечер. Посвистывала где-то на берегу трясогузка, трещали крыльями стрекозы. На мягкой траве можно было бы нежиться битый час, если бы не промокшие насквозь ноги и совершенно пустой желудок. Первым, как самый сильный – или как самый голодный? – поднялся Левко:

– Так, что тут у нас?

Девушки тоже поднялись на ноги и начали осматриваться. Лиска просто так, оглядывая лес, начинающийся прямо перед ними, и заканчивающийся у самого подножия гор. Наира же определенно что-то выискивала.

– Ага, вот она. Ну и заросло же все здесь, еле нашла, – Наира повернулась к друзьям. – В двух шагах отсюда хорошее место для стоянки. Пойдем.

Она приглашающе склонила голову набок.

Пройдя совсем немного по заросшей цветущими травами тропе, они вышли на поляну. На краю поляны рядом с пушистой елью стояла небольшая избушка. Недалеко от нее было место для костра, около которого лежало бревнышко и несколько невысоких, с обрубленными корнями пеньков, которые можно было передвигать, как табурет. Был даже «стол» – широкий, гладко спиленный сосновый пень. За избушкой тек небольшой ручей. Действительно место было очень удобное и обжитое.

Наира внимательно оглядела поляну, что-то про себя отмечая, и пригласила:

– Располагайтесь.

Сама она нырнула в избушку и через минуту показалась на пороге, держа в руках топор и котелок. Пока Левко превращал в дрова пару сухих деревьев, найденных недалеко от поляны, девушки умылись, принесли воды и наломали хвороста. Есть хотелось ужасно, поэтому все делалось быстрее некуда. Пока Лисса доставала из мешков все, что можно есть, Левко уже запалил костер, а Наира разжигалась тут же на поляне щавелем, травами для чая и даже парой хороших горстей земляники, которая красовалась теперь в глиняной плошке посреди «стола».

Первым Лиска, конечно же, накормила Вихляйку. Тот, несмотря на большую лапу, весь извертелся в своей корзинке, облизываясь и поскуливая, глядя, как она чистит вареное яйцо.

– Да тебе это, тебе, не волнуйся.

Девушка достала зверя из корзинки, положила его на траву и дала половинку яйца и кусочек вяленой рыбки. Потом она повернулась к друзьям и развела руками:

– А вам особое приглашение нужно? Налетай!

Хлеб, сыр, вареные яйца, сушеная рыба, щавель и ягоды – еда была проще некуда, но после насыщенного событиями и тревогами дня да еще с такой длинной прогулкой даже простой хлеб был вкусным, как пирог на свадьбе. А картошка, лежащая у самого костра, которую надо было чуть попозже сунуть в горячую золу, сулила царское угощение.

Когда в котелке закипала вода, Наира бросила туда горсть цветов и листьев, собранных ею на поляне, и вынесла из избушки глиняные кружки. Когда она по-хозяйски разливала душистый чай, Лисса спросила:

– Чья это избушка?

– Бабушкина, – ответила Наира и с грустью добавила, – а теперь, значит, моя.

Она вздохнула, помолчала и начала свой рассказ.

Глава 9

Всю жизнь она жила в Ведунцах. Родители ее погибли рано, когда Наире было всего шесть лет. В тот год много народу умерло от степной лихорадки. Наиру взяла к себе бабушка. Звали ее Мирина. Она была, как люди в таких случаях обычно говорят, знахаркой.

Тут Лиска не могла не встрять в рассказ, слишком ее все это интересовало и волновало.

– Что значит «обычно говорят»? А что, кто-то по-другому говорит?

– Ну да, – и Наира пояснила: – если женщину называют знахаркой, она может быть и знахаркой, и травницей, и ведьмой, и магичкой. Это ведь вовсе не одно и то же. Бабушка была скорее ведьмой, хотя она, конечно, об этом не распространялась и представлялась всегда как знахарка.

– А-а, – протянула Лиска и кивнула, как будто поняла, а сама подумала, что при случае надо будет поспрашивать Наиру поподробнее.

«А еще, интересно, – подумалось ей, – Хорстен – он кто?»

Наира же продолжала.

Она рассказала, что бабушка сравнительно недавно начала учить ее разным знахарским премудростям: как собирать травы и какие, как помочь в болезнях людям или животным и разному другому... Нередко они с бабушкой бывали и здесь.

– У бабушки здесь росла целая аптечная лавка. Одних только ромашек четыре вида. А в этом году она сильно заболела и в конце весны совсем слегла. Она знала, что сегодня умрет, и что эти тати налетят. Все свое добро и скотину, какая была, заранее соседям отдала, а меня все гнала из дома: боялась за меня. А я до последнего не отходила и вот запоздала. Если бы вы меня не выручили, они бы меня схватили. И, удивительно, они поверили вам! А ведь, говорят, их главаря, Шермета, на мякине не проведешь.

Лиска засмеялась:

– Левко кого хочешь проведет, он талантливый. Жаль, ты не видала. Он такого простофилю изобразил – я сама чуть не поверила. Да еще так удачно получилось: там, куда он показывал, кусты зашевелились, как будто в самом деле кто-то пробирается.

– Ты тоже была хороша. Роль убогого глухонемого – твой коронный номер. По тебе сразу было видно, что не слышишь ни шиша и туповата, – увидев угрожающее выражение на Лискиной физиономии, он немедленно добавил: – У тебя, несомненно, незаурядный актерский талант.

Она уже не знала, обидеться ей на него или посмеяться.

– Ну уж говорить я точно не могла. Там были такие многообещающие рожи... Я бы, наверное, сразу побежала, если бы ноги со страху не отнялись.

Друзья посмеялись, вспоминая свой театр у дороги. Потом припомнили все сегодняшние приключения, кикимору и свое неожиданное спасение...

– А откуда ты знаешь имя Русалки, если не секрет, конечно? – спросила заинтригованная Наира. – И откуда вы идете и куда?

Лисса с Левко посмотрели друг на друга и Лиска начала:

– Ну, слушай...

Костерок потух, чай был допит, у кострища сохли промокшие Лискины и Левкины сапоги и Наирины туфли. Левко радовался, что шел в старых сапогах, а новые сухие лежали себе в мешке. Лисса осматривала свои бедные усталые ножки – нет ли мозолей. Наира, глядя на друзей, все удивлялась:

– Чудно как-то у вас получается. Во всех сказках и романтических историях он и она обычно бегут вдвоем из дома, чтобы пожениться. А вы наоборот: бежали, чтобы вас, не дай бог, не поженили.

Друзья посмотрели друг на друга и, не стовариваясь, развели руками: «Что поделаешь».

Пока они разговаривали, Рушка, предоставленный самому себе, потихоньку обползал весь пятачок вокруг костра и уже в третий раз делал вид, что его совершенно не привлекает содержимое Лискиного мешка, из которого высовывался хвост сушеной рыбки, не вызывающий у зверя никакого интереса. С каждым Рушкиным заходом, хвост как-то сам собою высовывался все дальше и дальше, и вот уже из мешка показалась вся рыбка и веревочка, а потом и вся связка рыбы не спеша отправилась в путешествие в укромный уголок. И зверь не имел к этому никакого отношения, он и смотрел-то в другую сторону. А рыбий хвост вовсе и не был зажат в его зубах, а просто нечаянно зацепился...

Первой это действие увидела Наира, и в ее грустных глазах появились смешливые искорки. Лиска, а потом и Левко обернулись, и Лиска вскочила было, чтобы отобрать у Руша добычу, но друг остановил ее жестом. Сам легко поднялся, тихо и как бы невзначай двинулся вперед, совершенно нечаянно по дороге зацепился ногой за связку рыбы, и та сама собою вернулась обратно. Зверю не оставалось ничего другого, как сделать вид, что ничего и не случилось, а он, собственно, просто разглядывал снующих в траве жуков.

– Большие всегда обижают маленьких, – «посочувствовала» Лиска.

Зверь в ответ взглянул, как ей показалось, укоризненно.

– Слушай, а зачем ты его всю дорогу тащишь? – спросила Наира и, увидев возмущенно-непонимающий Лискин взгляд, пояснила: – Я хочу спросить, почему ты его не вылечишь?

– А как? Я ведь даже перевязку не знаю как ему сделать. Хотела обратиться к знахарке в Ежах, а ее не было в эти дни.

– Зачем к знахарке? Ты же сама это можешь, с твоими-то руками можно в два счета любую кость поправить, да вообще что угодно...

– С какими руками? – недоумевала девушка. – Ничего не понимаю. Почему ты думаешь, что я что-то могу?

– А ты что же, ничего не знаешь? И не замечала за собой ничего необычного?

Лиска посмотрела на свои руки, на Наиру и пожалала плечами. Та попыталась объяснить:

– Как правило, люди знают о своих необычных способностях. А у тебя так ясно видна способность к восстановлению.

– Чего?

Наира озадаченно посмотрела на нее, помолчала, вздохнула и начала объяснять издали.

– Насколько мне известно, а я сразу предупреждаю, что известно мне не много... Так вот, насколько мне известно, существует три основных магических действия ну или три пути. Это преобразование, разрушение и восстановление. Бывает, сюда же относят и сохранение. Каждому человеку какое-то из этих действий дается значительно легче других, если он, конечно, вообще пытается освоить магию. Способность сотворять магические действия у всех, естественно, разная. Если целеустремленно заниматься, она развивается. Как я вижу, тебе запросто должно даваться восстановление. Это действие обычно в целительстве самое первое.

Лиска снова вытаращила на свои руки.

– И как это ты видишь?

– Ну как бы тебе объяснить... Вокруг твоих рук светится ярко-зеленый ореол. Я это, конечно, не наяву вижу, а как бы внутренним взором. Очень ясно представляю что ли... – Наира с трудом подбирала слова, силясь объяснить. – Меня этому бабушка учила. А убедиться легче всего, если попробуешь. Хочешь?

– Конечно, – у Лиски от волнения даже живот скрутило, – Что нужно делать?

– Для начала устроиться поудобнее. Проще, наверное, будет, если взять его на руки.

Лиска подманила Вихляйку оставшимся от ужина кусочком вяленой рыбки, угостив его, потихоньку уложила к себе на колени и повернулась к Наире.

– Что дальше?

Наира села рядом и начала подсказывать и показывать.

– Попробуй, поводи над ним руками и почувствуй их, прислушайся. Могут быть какие-то ощущения, какие именно, не могу сказать, у каждого свои. Послушай свои желания, что тебе кажется надо сделать...

Она погладила Руша и серьезно сказала ему:

– А ты тихо лежи, не возись.

Зверек действительно перестал вертеться и притих, будто понимал ее слова.

Лиска поначалу ничего особенного не чувствовала, потом рукам вдруг стало жарко, а через минуту в ладонях появилось странное зудящее ощущение, и казалось, будто под руками что-то шевелится. Девушка закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться, и перед ее внутренним взором из темноты проступила туманная дымка. В считанные секунды этот туман начал сгущаться в какую-то сложную структуру... У Лиски захватило дух.

– Наира, слушай, я ведь Рушкины кости вижу... Все-все. Вот и сломанная.

– Хорошо. Теперь представь, что ты ее выправляешь.

Лиска старательно представила, как поправляет косточку, представила, как та срастается. И поняла, что не получилось. В вылепленной из тумана картине ничего не переменялось. Открыла глаза, посмотрела на Наиру и Левко, застывших в ожидании.

– Ничего не получается, – она с надеждой, просящее посмотрела на Наиру. – Может, я что-то не так делаю?

Та задумалась и, казалось, прислушалась к чему-то внутри себя.

– Может быть, просто не знаешь как, если никогда не пробовала, а, может, силы не хватает. Но я-то чувствую, что энергии вокруг тебя много, хотя...

Она посмотрела Лиске в глаза и решила спросить:

– Может быть, на тебе сейчас какой-то талисман?

Голос ее звучал осторожно и мягко, а взгляд был прям и ясен и... доверчив. И, была не была, Лиска вытащила зуб из под рубашки.

Наира подалась вперед, разглядывая талисман, а потом откинулась, удивленно оглядывая Лиску.

– Ничего себе, это же драконий зуб!

Лиска кивнула:

– Мне его дал двоюродный дед, Хорстен.

– Хорстен?.. Я о нем слышала, бабушка иногда о нем говорила. Кажется, он маг в третьем поколении, довольно известный, но я как следует не помню, мне это было ни к чему.

– Ну, Лиска, ты даешь. А я-то думал по простоте душевной, что ты от меня секретов не хранишь, – Левко чувствовал себя дурак дураком.

Лиска посчитала нужным объяснить.

– Хорстен предупредил, чтобы я никому не рассказывала о талисмане.

– Совершенно правильно предупредил, – поддержала ее Наира. – Это очень сильный талисман. Посмотри, он почти весь закрыт серебром, и при этом от него исходит такой магический поток, что я его почувствовала. А я ведь всего с год как по-настоящему учусь. Наверное, это талисман и усиливает твои способности. Ты же сразу, с первой попытки столько видишь. Обычно так не бывает.

– Да ведь что от этого толку, если я сделать ничего не могу?

– Может быть, энергии не хватает. Поток можно увеличить, если раскрыть оправу. Оправы на драконьих зубах обычно открываются.

– Да? – в очередной раз удивилась Лиска. – Он у меня уже два года, а я и не знала, что с ним можно что-то делать.

Она разглядывала оправу, стараясь найти намек на подвижные детали. Попыталась ногтем подцепить некоторые особо выступающие завитки – все без толку. Передала его Наире. Та довольно быстро разглядела щелочку, но что дальше делать, было непонятно.

– Дайте-ка взглянуть, – полюбопытствовал Левко.

Надо сказать, он по части всевозможных запоров, задвижек и замков был большой знаток. Бывало, и сам их придумывал.

Над талисманом он бился минут десять. Крутил, ощупывал, разглядывал, обдумывал, оглядывал снова, почти отчаялся... Вдруг что-то увидел, улыбнулся и медленно, не торопясь, нажал на верхнюю часть, повернул и, слегка отстраняясь, чтобы всем хорошо было видно, раскрыл оправу, составленную из двух, как оказалось, ажурных створок. Теперь весь зуб был на виду. Верхний, матово-белый слой слегка просвечивал. Сердцевина была плотной и, на первый взгляд, белой. Если же приглядеться, оказывалось, что цвет ее постоянно меняет оттенки от голубых и палевых до желтых и от желтых до розовых. К тому же в наступающих сумерках было видно, что зуб еле заметно светится.

Наглядевшись на зуб, Лиска повернулась к другу. Тот сиял, как начищенный самовар.

– Левко, ты гений!

– А то...

Тут заерзал заскучавший Вихляйка.

– Сейчас, потерпи еще немножко, – уговаривала его Наира.

Она погладила его по голове, потом быстро провела пальцем от носа к затылку и сказала какое-то слово, которого друзья не расслышали, и пояснила:

– На всякий случай, чтобы ему не было больно, когда кости встанут на место.

Лиска собралась, закрыла глаза, и как в первый раз, только гораздо быстрее и ярче в поле зрения появились очертания Рушкиных косточек. Вот сломанная кость. Лисса мысленно взялась за обломки, слегка развела их и сложила, как должно быть. Вдруг она почувствовала руками обломки косточек так, будто в самом деле за них держалась. В следующее мгновение обломки сами дернулись навстречу друг другу, и щель, бывшая между ними, схлопнулась, и вся косточка стала гладкой, как ни в чем не бывало. По рукам пробежала волна тепла, и Лиска открыла глаза с радостным чувством свершившегося чуда.

– Вроде бы получилось, – боясь себе поверить, выговорила девушка.

Она погладила зверька по шелковой спинке и дотронулась до поврежденной лапы. Сначала очень осторожно, потом уже уверенно погладила больное место. Руш вертел головой, выглядывая что-то в траве.

– Ну, может, уже хватит протирать у девушки коленки. – Наира подхватила Вихляйку под живот и поставила его на траву на все четыре лапы. Тот потянулся и как ни в чем не бывало пошлепал к Лискиному мешку.

– А я думал, ты сразу в лес побежишь, на свободу, – рассмеялся Левко.

– А еда свободе не мешает, – ответила за Рушку Наира.

Она посмотрела на Лиску, которая убирала на место талисман, и спросила:

– Как тебе твоя магия?

Лиска, ошеломленная тем, что произошло, не знала, что и сказать. То есть это, конечно, было здорово, но...

– Слушай, но ведь это же все талисман, я же сама ничего не умею.

– Один талисман без тебя тоже ничего не может. Он только помогает, усиливает твои возможности. Если захочешь, ты со временем всему научишься. Смотри, как здорово получилось, – показала Наира на Руша.

Лиска чувствовала себя именинницей. Она посмотрела на друзей. Все трое были довольны, кажется, больше самого вылеченного зверя.

– Нет, вы только поглядите на это чудо! – воскликнула Наира.

Рядом с Лискиным мешком, как маленькая собачка, сидел Рушка и всем своим видом показывал, что, хотя и очень хочется есть, он подождет. Вернее, наоборот, он подождет, хотя есть очень хочется. Лиска отдала ему оставшийся от ужина кусочек хлеба и взяла его на руки, как кошку. Зверь был совсем не против и разрешил себя потискать всем троим. Потом был наконец отпущен и пошел обследовать поляну.

Приближалась ночь. Со стороны болота тянуло сыростью, становилось прохладно. Друзья сидели около костра и обсуждали, что делать дальше.

Со слов Наиры и из Лискиных карт выходило, что кусочек леса, где они сейчас находились, был с трех сторон окружен отрогами Драконовых гор. С четвертой его охраняло болото, раскинувшееся на многие мили в обе стороны и полукольцом охватывающее Драконовы горы. Здесь они были в безопасности, но покинуть это место было весьма проблематично.

– Выходит так, что если идти в Ковражин, куда шли мы, то нужно выходить через болото обратно, на Ковражинский тракт. Если идти в Ойрин, куда собиралась ты, Наира, то тоже нужно выходить на Ковражинский тракт, а там эти бандиты сторожат, – подытожил Левко.

– И долго они будут сторожить?

– Скорее всего, долго, – мрачно откликнулась Наира.

– Я что-то не понимаю, – вклинулась Лиска. – Выходит, чтобы отомстить твоей бабушке, они готовы день и ночь сторожить дорогу?

Она ожидающе смотрела на Наиру, Левко тоже ждал ответа. Та помедлила некоторое время и наконец решилась.

– Да нет, не только, чтобы отомстить. Все гораздо хуже.

Она отвернулась от Левко, подняла край юбки и вытащила из большого потайного кармана на поясе сверток.

– Вот.

Девушка развязала узел на тонком шелковом платке и явила друзьям тайное содержимое. У нее на коленях лежала средней толщины книга в мягком переплете и несколько мелких предметов.

– Это бабушкины талисманы. Их пять штук, на разные случаи. Три из них – реликвии магического мира изморских земель. А книга – сама по себе и талисман, и реликвия. Но более всего она ценна записанными в ней заклинаниями преобразования, разными магическими техниками, рецептами снадобий и прочими ценными сведениями, которые собирались несколькими поколениями нашего рода. Эти вещи ни в коем случае не должны попасть в дурные руки.

– И ты думаешь, они знают об этих сокровищах?

– Судя по тому, как быстро они появились, когда бабушка умерла, знают. А хуже всего, что действуют они, скорее всего, не одни. Недалеко от Ведунцов живет один злыдень, зовут его Верша. Он не то ведьмак, не то черный маг. Открыто он никогда против бабушки не выступал, но она была уверена, что он только ждет часа и своего не упустит. И Шермет у него частенько был гостем...

Тут послышался легкий шелест, над головами скользнула тень, и на край их «стола» уселась большущая сова. Она не спеша оглядела всех троих и уставилась на Наиру, явно чего-то ожидая. Та слегка поклонилась сове и доложила:

– Здравствуй, Зергина. Я здесь с друзьями. Это Лисса и Левко. Они спасли меня сегодня от погони. Нам нужна будет охрана на сегодняшнюю ночь и на завтра точно, а там пока не ясно. Куда пойдем дальше, пока не знаем. Да, с нами еще зверь, маленькая куница, он где-то здесь бегаёт.

Сова важно переступила мохнатыми лапами, по-птичьки кивнула и, беззвучно опавнув друзей громадными крыльями, растворилась в ночных тенях.

– Здравсьте! Выходит, птицы понимают, что мы говорим? – для Левко на один день чудес приходилось уже многовато. – Это что же, прежде чем с друзьями посеCRETничать, я должен под ноги поглядеть, не подслушивает ли какая-нибудь курица?

Наира усмехнулась:

– Нет, конечно же, не все птицы понимают, но такое бывает. Про кур ни разу не слышала, а вот среди ворон, воронов, грачей, сов и некоторых других иногда случается, что птица все понимает. Меня ведь в последний момент галка предупредила, что опасность совсем близко. И это всего через час после того как... А я-то думала, что у меня до вечера время есть. Сам Шермет никак не мог так скоро узнать, что случилось, значит, без Верши не обошлось. А раз так, выходит, весь Ковражинский тракт и соседние с ним земли будут сторожить люди Шермета и сам Верша. А от мага тяжело спрятаться. Он может наблюдать за местностью разными способами, и с помощью птиц тоже. По эту сторону болота он видеть никак не может. От птиц защищает лесная охрана. С помощью талисманов тоже не выйдет: бабушка специально это место заговаривала. Кроме того, здесь сказывается собственная магия Драконовых гор. Ни горы, ни близко расположенные к ним территории никаким чародейством не просматриваются.

– А может быть, ты все же преувеличиваешь опасность? – очень уж Лиске не нравилась мысль о том, что за ними могут следить.

Наира, нисколько не обидевшись, подумала и сказала:

– Может, и преувеличиваю. Мы завтра утром поднимемся на вон ту гору, – она показала на скалу, стоящую на краю болота. – С нее все хорошо видно. Увидим, может, и, правда, нечего опасаться, тогда перейдем через болото. Есть здесь недалеко еще одна дорожка. Она выходит к Ойринской дороге недалеко от Суворови, – она провела пальцем по карте, показывая дорогу, – А если следят... – Наира подняла на друзей бедовые глаза, – Тогда не знаю, что и делать. Вы ведь тоже не сможете выйти на Ковражинский тракт. Вас могут узнать, а из этого ничего хорошего не выйдет. Отсюда, правда, есть еще одна тропа, между горами и болотом, потом по болоту и лесом... Она ведет в обратную сторону, к Ежовым горкам и дальше, к Орешину лесу. До Ежовых горок я вас провожу, а дальше дорога довольно безопасная. Вы сможете выйти к Малым Ежам, а там хотя бы вернуться обратно, на дорогу к Вежину.

– А ты? – не сговариваясь, одновременно спросили друзя.

– А я попробую пройти через Драконовы горы до Ойрина. Болото в том месте заканчивается, и город стоит недалеко от подножия гор. А в городе живут мои родственники – сестра бабушки и брат отца – и бабушкины подруги.

– Так и мы можем с тобой пройти через горы до Ойрина, а там есть дорога на Ковражин. Лиске вдруг страшно захотелось увидеть эти загадочные горы.

– Нет, нет! И думать нечего, – глаза Наиры были испуганны, а голос категоричен. – Вы и так из-за меня рисковали, свернули с дороги, до Ковражина теперь неизвестно когда доберетесь, а я бы еще потащила вас в такое опасное место. Да я в жизни себе не прощу, если с вами что-нибудь случится.

– А что может случиться? – не сдавалась Лиска.

– Ну, во-первых, оттуда просто не все возвращаются, – Наира была очень серьезна. – И дорог я там никаких не знаю...

Она замолчала и задумалась.

Пока они разговаривали, совсем стемнело. Костер почти потух. Лиска зябко поежилась и огляделась по сторонам. Вокруг черной стеной стоял лес. Пестрое многоцветье поляны померкло. Цветы, цветочки, соцветия, стебли, лепестки, листья застыли в ночной тишине плотной серебряной паутиной, раскрытой навстречу бездонному ночному небу. Тихий свежий ночной воздух наполнял собою все вокруг. Хотелось сидеть всю ночь, не шевелясь, мечтать, слушать сверчков, смотреть на пушистые звезды...

– Знаете что, девчонки, кажется, ночь уже наступила. Не знаю, как вы, а я так устал, что уже ничего не соображаю. Может, завтра разберемся, что делать дальше.

– Да, я бы тоже передохнула, – откликнулась Лиска.

Она вдруг подумала, что на свете, наверное, нет ничего лучше мягкой подушки после беспокойного дня.

Наира согласилась:

– Пожалуй, и правда лучше завтра сначала осмотримся, а потом уж будем решать как быть. Спать можно в избушке, если вы не против. Там внизу две кровати, а наверху, на чердаке, ворох сена. Места всем хватит. Сейчас покажу.

Она принесла из избы фонарь, зажгла его от тлеющей ветки из костра и повела друзей на ночлег.

Обстановка в избушке была очень простая: небольшая печка, две лежанки, маленький стол у единственного окна и лесенка на чердак. С чердака они стащили вниз несколько охапок мягкого и все еще душистого сена и разложили его на лежанках вместо матрасов. Пара простыней и одеяла – не так уж много нужно для отменной постели. Такое же лежбище устроили наверху. Кому где разместиться, долго думать не приходилось. Левко девушки отправили на чердак, а сами, умывшись в ручье за домом, улеглись внизу.

Уже растянувшись на лежанке, Лиска вдруг всполошилась:

– А Рушка-то как же? Он ведь где-то по поляне скачет. Я про него чуть не забыла.

– Не беспокойся. Куница – зверь ночной. Он наскучался, наверное, лежа всю дорогу в корзинке. Здесь в двери снизу есть небольшой лаз, специально пропилили для хорьков, ласок, куниц, чтобы мыши в доме не хозяйничали. К утру он набегается, может быть, придет.

– А, может быть, и нет, – грустно усмехнулась Лиска.

Она понимала, что зверю место в лесу, где у него должна быть своя, звериная жизнь. Но Лисса уже успела привязаться к Рушке, и расставаться было трудно. Она стала утешать себя, представляя, как Вихляйка подрастет, станет красивым ловким зверем. У него, конечно же, будет подружка, а потом маленькие... щенки что ли? Как, интересно, у куниц называются детеныши? Ну, девчонки, понятно, кунички, а вот мальчишки? Кунишки... или нет, наверное, кунчонки... или вот как – куцаны. Она представила себе резвящихся на солнечной полянке кунищенят. А рядом с ними будет сидеть Руш... Счастливую картину прервал очень грустный звук.

Лиска подняла голову и, стараясь не шуметь, села на кровати. В шаге от нее, зарывшись головой в свою постель, душа слезы, почти беззвучно рыдала Наира. Плечи ее вздрагивали.

Не зная, чем помочь, Лисса присела рядом и робко погладила ее по черным волосам. Наира повернула к ней мокрое от слез лицо и, не в силах больше сдерживать горе, прошептала:

– Я ведь даже похоронить ее не успела...

Лиска молча кивнула, не находя слов. Что бы ни приходило в голову, оно не годилось. Минут через пять, видимо, наплакавшись, девушка глубоко вздохнула и извиняющимся тоном спросила:

– Я тебя разбудила?

– Нет, я еще не спала. Сегодня вообще, наверное, трудно будет уснуть – столько всего случилось.

– Это уж точно. Но выспаться надо как следует.

Наира поднялась, отвязала один из свисающих с потолка пучков трав, разделила его надвое и протянула половину Лиске.

– Это сбор от бессонницы. Его можно заваривать в чай, а можно просто какое-то время понюхать, подышать над ним. А еще нужно поговорить о чем-нибудь хорошем.

Лиска вдохнула густой, сложный аромат, исходящий от высушенных цветов. Запах был как будто знакомым, только никак не могла вспомнить, откуда... Она задала вопрос, который все вертелся на языке:

– Слушай, Наира, а вот среди твоих талисманов я видела два очень похожих на мой. Это что, тоже...

– Да, это зубы драконов. Она принесла их из Драконовых гор. Драконий зуб – необычный талисман. Насколько я знаю, он имеет полную силу в том случае, если был лично обретен владельцем в Драконовых горах или получен от дракона в дар. Подаренный второй раз, он имеет уже несколько меньшую силу. Если же этот талисман был потерян, а потом кем-то найден или продан, то новому владельцу сила талисмана, может быть, иногда и явится, а, может, и нет. А уж если зуб отняли силой или украли, он может и вовсе стать для злодея проклятием.

– Так, выходит, Хорстен тоже там был, – удивилась Лиска, начавшая уже потихоньку задремывать.

Ответа она уже не слышала.

Глава 10

Проснулась она от того, что кто-то не то ошупывал ее ноги, не то ходил по ним. Она открыла глаза и увидела пучки трав, висящие под потолком. Окинула взглядом постель и несказанно обрадовалась. Поверх одеяла у нее в ногах спал свернувшийся клубком Рушка. Девушка еле удержалась от того, чтобы немедленно его потереть. Повалявшись немного в кровати, Лиска потихоньку оделась и выскользнула из дома.

Она всегда любила утро. Это же, безусловно, было одним из самых красивых. Негромко пела в лесу какая-то птица. Холодная тяжелая роса то перламутрово переливалась, то остро вспыхивала, сверкая яркими цветными искрами. Лес не казался уже темным монолитом, а был пронизан легким утренним светом. Высокие деревья с раскидистыми кронами, полными света и воздуха, соседствовали с густым таинственным подлеском. Кое-где меж верхушек деревьев проглядывали уже совсем недалекие, голубеющие в утренней дымке горы. Лиска полной грудью вдохнула легкий утренний воздух. Ей хотелось бежать сразу во все стороны, гладить стволы деревьев, запустить руки в густую траву, без конца смотреть на один за другим распускающиеся цветы, пройти по лесу, подняться в горы, брести вдоль ручьев и идти, идти все дальше, до самого края света или до моря... Желая поделиться с кем-нибудь своим настроением, она оглянулась и увидела только что вышедшую из-за избушки Наиру. Та подошла к Лиске, слегка чем-то озабоченная.

– Похоже, здесь недавно кто-то побывал. Из наших запасов позаимствовали мешочек с крупой, а взамен оставили коробочку с солью. Да и котелки, я вчера еще заметила, стояли не там, где мы их оставляли в последний раз. Интересно, кто бы это мог быть? Гости здесь бывают не часто.

Лиска в ответ только пожала плечами и пошла будить Левко. Она не была уверена, что его приведет в восторг предложение полюбоваться дивным утром, поэтому решила ему предложить другую заманчивую перспективу. Открыв дверь в избушку, громко возвестила:

– Ваш завтрак, сэр.

Над чердачной лестницей показалась заспанная физиономия «сэра» с выражением приятного удивления.

– А, что, уже готов завтрак?

– Нет, но он уже рискует стать обедом, если ты сейчас не разведешь костер, – ответила Лиска и быстро прикрыла дверь, деликатно предоставив возможность человеку побыть наедине со своими переживаниями.

Пока на костре варилась каша из крупы, которой в избушке оказался хороший запас, Наира показывала Лиске поляну, объясняя, где что растет, и заодно собирала травы для чая. Трав было великое множество, и девушка помнила их все и о каждой могла что-то рассказать. Лиска восхищалась ее знаниями и одновременно была огорчена тем, как много ей самой еще неизвестно. Она силилась запомнить хотя бы названия трав, но уже после десятого незнакомого названия почувствовала себя непроходимой тупицей. Это, видимо, отразилось у нее на лице, потому что Наира, глядя на нее, улыбнулась и сказала ободряюще:

– Мне тоже сначала казалось, что все это запомнить – дело безнадежное. А потом запомнилось, и довольно быстро, но не в один день, конечно.

Когда завтрак уже подходил к концу, из избушки выскочил Рушка, стремглав пронесся по поляне, бухнулся Лиске на колени, извернулся и встал на задние лапы, опершись передними на ее руку, в которой она держала кусок хлеба с сыром. Выхватывать из рук он, однако же, не стал, а, просительно глядя на девушку, терпеливо дождался, покоряя зрителей своей воспитанностью, пока она отломит ему кусочек. Потом он подошел к Наире и сел напротив, являя

собой воплощение внимания и терпения. Не наградить такую сдержанность было бы просто бессовестно. Естественно, она с ним тоже поделилась, посмеиваясь:

– Ласковое дитя двух мамок сосет.

– А воспитанное – трех, – закончил Левко, скармливая жертве голода остаток своего завтрака.

До Дозорной скалы они добрались довольно быстро. Совсем недолго шли по негустому лесу, большей частью состоящему из кленов и ясеней. Стояла скала на краю болота, и со стороны болота имела вид совершенно неприступной, почти отвесной стены. Со стороны леса она тоже была бы малоприспособленной для подъема, если бы не хитрая тропа, к которой их привела Наира. Тропа состояла из разной длины и высоты уступов, выстроившихся в своего рода лестницу, неровную, дикую, но как оказалось, достаточно удобную.

Небольшой пятачок, на который они поднялись, был прикрыт от ветра и посторонних глаз несколькими выступами высотой в человеческий рост, в которых было множество достаточно широких щелей и выемок, позволяющих разглядеть все на много верст вокруг. Прямо перед ними далеко простиралась застланная утренним туманом болота, окаймленные лесом и холмами. Слева полоса болот была поуже и переходила в лесок, покрывающий Ежовы горки, а справа за полосой болот тянулись равнинные леса, за которыми где-то на юго-западе стоял невидимый отсюда Ойрин.

– Смотрите-ка, – Левко показывал в сторону Ковражинского тракта.

В небе над болотами черными черточками парили птицы. Приглядевшись, Лисса заметила такие же черточки и справа, в направлении дороги на Ойрин, и слева, в сторону Ежовых горок, куда вчера Наира хотела их вывести, считая эти места безопасными. Она повернулась к Наире. Та осматривала горизонт с видом мрачной безнадежности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.